

Фантастический бестселлер

Этот мир — Матрица

**НИК
САГАН**

ЛАБИРИНТЫ РАЯ

Ник Саган
Лабиринты рая
Серия «Лабиринты рая», книга 1

Библиотека Старого Чародея, Вычитка и оформление – Алекс Быков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134758

Лабиринты рая: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-10475-5

Оригинал: NickSagan, "Idlewild"

Перевод:

Нина Свидерская

Аннотация

Герой первого романа Ника Сагана Габриель Кеннеди Хэлл по прозвищу Хэллоуин, очнувшись, не может вспомнить ничего, кроме того неоспоримого факта, что кто-то хотел его убить.

Пытаясь выяснить, кому и зачем это понадобилось, он постепенно открывает правду и понимает, что на карту поставлена не только его жизнь, но само существование реального мира.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	50
Глава 4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ник Саган

Лабиринты рая

«Потрясающее произведение... Захватывающий сюжет... Книга, от которой невозможно оторваться...»

Нил Гэйман.

Посвящается Клиннетт

Не доверяйте слепо человеку,

Человек существо ненадежное.

Machines of Loving Grace. Альбом «Крылья бабочки».

Пролог

ДЕНЬ 1

«Я не умер».

Я осознал это еще не до конца, и все же открытие было очень важным, ведь удар был настолько сильным, что я просто должен был умереть. Электрический разряд или что-то подобное превратило меня в фейерверк, тело мое с головы

до ног было объято пламенем, а в голове, словно мантра, крутились одни и те же слова: «Я не умер, не умер, не умер», – мне пришлось в это просто поверить. Сначала приоткрылся один глаз, потом второй, сознание, если только это можно было назвать сознанием, медленно возвращалось ко мне.

Холодно и темно. Оранжевый. Урожай. Влажный, затхлый запах, стрекочут сверчки, голова просто раскаляется. Я лежал на поле с тыквами, тело свела судорога. Я дышал с трудом, очень осторожно, будто новорожденный котенок.

Я все еще не очень осознавал происходящее, мысли в голове едва ворочались. Я попытался сосредоточиться, но от этого голова заболела сильнее. Почему? Что это было?

«Я помню удар и...»

... И больше ничего. Только удар. Я даже не успел испугаться.

Подниматься не хотелось, голова гудела, словно пчелиный рой. Я попытался обхватить голову руками. Все просто. Сначала поднять левую руку, потом правую... Но ничего не происходит! Почему?

«Я не могу пошевелить руками», – вдруг понял я.

Я попробовал пошевелить ногами, пальцами, бедрами, носом, ушами, шеей. Никакой реакции. Я парализован!

Сердце заколотилось. Я подумал: что будет, если я не смогу дышать? Ведь в этом нет ничего особенного? Мой мозг будет медленно умирать, как увядающий цветок, я буду скашиваться все ниже и ниже, туда, откуда нет возврата, а мое

сознание будет расти, заполняя собой весь мир. Я здорово испугался. На ходу придумывая какие-то призрачные божества, я начал отчаянно торговаться с ними.

«Прошу вас, – думал я, – не дайте мне умереть. Кем бы вы ни были, если только вы меня слышите, поднимите меня на ноги. Я сделаю для вас все. Я отдам вам все... я...»

Что "я"? Что я могу предложить?

«Ничего. Я ничего не знаю, а значит, у меня ничего нет. Я даже не помню своего имени. С другой стороны, всякая головоломка состоит из нескольких частей, ведь так? А значит, я смогу вспомнить!»

Мне пришло в голову: а вдруг у меня травма головы?

Два очень неприятных слова, с ними не поспоришь. Ведь паралич может случиться не только от травмы позвоночника, вдруг я просто забыл, что нужно делать, чтобы двигаться, как забыл все остальное.

«Давай не будем пороть горячку. Если ты что-то забыл, это можно вспомнить, просто понадобится время».

Вот это уже похоже на меня. Всегда готов верить в лучшее.

Я уцепился за эту мысль, за эту ущербную логику, ожидая, что еще немного – и я все вспомню. Ждал. Ждал еще. Из тайных глубин моего разбитого вдребезги сознания родились слова, еще одна мантра: «Совсем не больно. Держи себя в руках. Нет никакой боли, просто держи себя в руках». Но я, черт побери, был не в состоянии взять себя в руки, я не мог успокоиться, меня словно жгло огнем изнутри. Не

знаю, сколько я пролежал так, беспомощный и жалкий, распростертый на земле. По натуре я не склонен сдерживать себя: если меня лишит что-то, на мой взгляд, важного, я становлюсь буйным, по-настоящему схожу с ума. Я задумался. Схожу с ума? Да. По-настоящему? Да. Но бываю ли я при этом буйным? Бываю ли буйным?

Это называется «истерический паралич». Истерия – психоневротическое состояние, сопровождаемое тяжелыми эмоциональными и сенсорными расстройствами, пароксизмом моторных функций, связанных с заменой понятий и психики. Без сомнения, это была истерика, но вот смеяться мне не хотелось.

«Может, я сплю?» – пришло мне в голову. Наполовину сплю, то есть глаза открыты, а тело спит, словно оно в параличе, в гипногенном состоянии? Возможно, я узник собственного подсознания...

Треск надкрыльев – эти сверчки меня достали. Должна существовать формула сверчка, ведь у всего должна быть формула. В смысле не генетическая формула, а что-то вроде термометрической формулы. Когда становится холоднее, сверчки стрекочут меньше, следовательно, по скорости стрекотания сверчков можно определять температуру: $(\text{стрекотов} / 4) + 40 = \# \text{ градусов по Фаренгейту}$. Я подсчитал количество стрекотов в секунду, и у меня получилась довольно прохладная температура – 55 градусов.

Удивительно, я помню все это, но не помню, кто я такой.

Не помню даже, что нужно делать, чтобы двигаться.

Странная штука мозг.

Сквозь раздражавшие меня любовные трели сверчков я различил еще какой-то звук – как будто кто-то выл или хныкал вдалеке, – сначала звук был слабым, неясным, затем все более и более отчетливым. И затем, как гром среди ясного неба, все изменилось.

Я услышал громкий щелчок – и я снова мог двигаться, словно где-то повернули выключатель, перевернув его с нуля на единицу. Я сразу же вскочил на ноги. Оцепенение прошло. Я больше не чувствовал такой боли. Вновь ожили нервные окончания. Покалывания в позвоночнике, руках и ногах еще беспокоили меня, но боль стихла.

Глава 1

ХЭЛЛОУИН

– Дохнут как мухи, – тягуче выговаривает служащий Гедехтниса – южанин из Западного Мемфиса. Он выглядит как настоящий джентльмен, но так и не смог избавиться от южного акцента. Справившись с бедностью своей молодости, с расизмом, присущим Америке двадцать первого века, он, словно с упрямым ослом, так и не сладил с гнусавым выговором. Подчеркивая красным фломастером число умерших, джентльмен старается отгонять мысли о своем собственном состоянии. Он находит, что ничем не сможет себе помочь, но, несмотря на это, вновь прикасается пальцами к шее – еще раз потрогать опухоль. Опухоль он не находит, но знает, что она есть. Врач сказал ему, что в течение года он умрет.

– Чего ты ждешь? Помилования в последнюю минуту? – эти слова произнесла женщина, тоже служащая Гедехтниса. Ее резкие интонации так же невыразительны, как и ее прическа. Вероятно, она предполагала стрижку под пажа, но парикмахер постриг ее плохо, и теперь ей приходится возиться, чтобы уложить волосы. Она служит в мюнхенском контингенте. Корпоративный штаб Гедехтниса находится в Мюнхене, и у нее неплохое положение в организации.

Южанин недолюбливает ее, и ни за что не стал бы рабо-

тать вместе с ней, не будь их работа настолько важной. Ее светлые волосы и пронзительные голубые глаза делали ее похожей на ребенка с плаката арийской евгеники. Когда-то, наверное, эти голубые глаза разбивали мужские сердца, но теперь ее красота поблекла.

– Я готов к худшему. Но все равно надеюсь. Уповаю на чудо.

– Чудес не бывает. Во всяком случае, это не для тебя и, конечно, не для меня. Вообще не для нас.

– Да, не для нас, – повторил он вслед за ней, вспомнив свою жену и дочь. – Но, может быть, для всех остальных?

* * *

Я был в замешательстве. Я представил, как пузырь, какие бывают в комиксах, висит над моей головой, в нем – большой знак вопроса. На самом же деле надо мной завис мерцающий свет, всего в метре надо мной. Он попеременно мигал то красным, то зеленым. Красный-зеленый, красный-зеленый... Он был похож на раздражавших меня светляков. А может, это светляк? Крыльев не видно. Я отступил на шаг. Он двинулся за мной.

Я решил, что нахожусь под воздействием какого-то жуткого наркотика.

– Убирайся, – потребовал я. И не узнал своего голоса. Я откашлялся и повторил, отступая еще на шаг назад: – Уби-

райся!

Никак не ответив мне, мерцающий спрайт чуть двинулся вперед, сохраняя прежнюю дистанцию. Я снял куртку, ска-
тал ее и швырнул в преследователя, она пролетела сквозь
огонек, не нанеся ему никакого ущерба. Красный-зеленый,
красный-зеленый, снова и снова, как оптическая сирена. Те-
перь рядом с ним возник еще один, этот мигал по-другому:
желтый-синий, желтый-синий.

Я побежал.

Они тоже понеслись за мной.

Одновременно со всех сторон раздался глухой голос... то,
что я слышал, понять было невозможно. Он то появлял-
ся, то исчезал, то громче, то тише. Громче-тише, громче-ти-
ше... И говорил примерно следующее: «Экс... и... реи...
анкт... ург... скриииии!»

Чепуха какая-то, подумал я.

Не знаю, как далеко я убежал. С полмили, наверное. Я
старался не смотреть назад. А когда посмотрел, спрайта не
было. Я остановился, пытаюсь отдышаться.

– Все, хватит, – предупредил я сам не знаю кого, то ли
провидение, то ли сверчков, то ли фантомов-божков, кото-
рые вернули мне власть над моим телом. Все равно никто
не ответил. Плохо, что без спрайта сразу наступила темно-
та. Очень неприятная чернильная тьма, кажется, что вокруг
враги. Луна полностью скрылась за тучами. Приближается
гроза.

Чертыхаясь, я рылся в карманах. Обнаружил там зажигалку из нержавейки и полупустую пачку сигарет с гвоздикой. Запах показался мне очень знакомым, я достал одну и лизнул кончик. Сладкая. Ароматная. Хотя что-то реальное. Я зажег ее и несколько раз затянулся, пытаюсь успокоиться.

«Мне нравится вкус гвоздики», – констатировал мой мозг. Ладно, теперь я хоть что-то знаю о себе, нечто реальное, и это нельзя у меня отнять. Еще несколько таких прозрений, и может появиться отправная точка.

Я немного успокоился и попытался собраться с мыслями, но воспоминания не возвращались. Итак, что я знаю? Я знаю, что я молод (1). Мне лет восемнадцать. Я студент (2) или что-то в этом роде. Значит, я должен знать немало вещей, важных вещей, причем наизусть. Что я здесь делал? Все в тумане, ничего не вспомнить.

Еще я знал, что Лазарь мертв (3).

Лазарь? Я почувствовал раздражение. Я смутно помнил, что Лазарь мне не нравился. Если честно, я просто его ненавидел. Тогда, может, и неплохо, что он умер?

Нет, плохо. И очень даже плохо.

Я погасил сигарету, вытер руки о штаны и отправился дальше. Я шел вдоль кукурузного поля, потом по пустынной дороге через лес. В качестве фонарика я использовал зажигалку. В конце концов пошел дождь, сначала мелкий, потом все сильнее и сильнее. Это напомнило мне крещение. Потом я слышал странные звуки, словно капли дождя били по ко-

жаной одежде. Я повернулся, но не увидел ничего, кроме отблеска зажигалки.

– Кто там? – спросил я, вглядываясь в темноту. Никакого ответа. Никого здесь нет, одна параноидальная амнезия.

Я поспешил свернуть с этой дороги. Холодно, сыро, я иду, постоянно оборачиваясь, – жалкое зрелище. Я спустился с холма в узкую лощину. Сверкнула молния, и мне почему-то вспомнились католические соборы. Еще не раздался удар грома, когда я понял, что передо мной поместье из камня и витражей, прекрасное, устрашающее и... знакомое.

– Я знаю этот дом, не понимаю откуда, но знаю, – пришло мне в голову.

Ехидные горгульи взирали на меня сверху, будто я должен им деньги. Денег у меня не было вовсе, и поэтому я старался смотреть только на массивную деревянную дверь. Она была из цельного дуба с целым рядом замков с одной стороны. Над ними в мертвой точке – крошечный рельеф: Солнце и Луна в виде человеческих фигур, Гелиос, преследующий Селену. Просто украшение или этот рельеф можно как-то использовать? Замочная скважина отсутствовала, но я все равно заглянул под коврик.

– Дверь можно просто сжечь, – подумал я. Все-таки я был не в себе: попробуйте сжечь мокрую дверь зажигалкой.

Я слегка надавил на изображение луны. «Слегка» оказалось недостаточно, тогда я нажал чуть сильнее. Рельеф повернулся против часовой стрелки, описал полукруг, закрыв

при этом солнце, и остановился. Получилось затмение. Раздалось девять щелчков, и дверь открылась.

Девять замков. Почему девять?

Я схватил ручку двери. Почти войдя в дом, я подумал, что, может быть, мне следовало постучать.

Стены из тесаного камня скрывали светлые удобные комнаты. Плюшевые диваны, гобелены, картины, кресло-качалка. Грозный фасад оказался просто ширмой. У меня заныли зубы. Я подумал о черепахах. Каймановые черепахи. Чтобы достать ее мясо, достаточно просто открыть панцирь, но черепахи не сдаются просто так: при малейшей опасности они легко могут откусить палец. Я представил, как я бегу по дому, безуспешно пытаюсь открыть двери десятую окровавленными пальцами.

«Представил, как я бегу? Я же понятия не имею, как я выгляжу».

Мне нужно зеркало.

Я переходил из комнаты в комнату, щелкая выключателями, тщетно пытаюсь зажечь свет. Электропроводка была на месте. Видимо, кто-то отключил предохранитель.

Зажигалка уже потрескивала, пришлось обходиться без нее. Непроглядная тьма. Я старался ни на что не наткнуться, ну хотя бы на острые углы. Кофейный столик... я схватился за колено и закусил губу. Споткнулся на кухне... не упал только потому, что успел схватиться за стол.

Я выпрямился и попытался сориентироваться. Обыскал

ящики: не то, не то, не то. Вот! Нож. С зазубринами. Я крепко сжал его в руке. Помахал им в воздухе. Нож был удобным, но я по-прежнему не чувствовал себя в безопасности.

Я пошел вверх по винтовой лестнке, время от времени оглядываясь в холл. Так, поищем спальню хозяина.

Со лба прямо в глаз скатилась струйка пота. Свело живот. Если у меня не будет выбора, если это будет единственный способ спасти свою жизнь, смогу ли я убить?

– Постой, – подумал я, – убить кого? Ты крадешься по чужому дому с ножом. Ты что, совсем рехнулся?

В этот момент я понял.

Вопрос: почему умер Лазарь?

Ответ: потому что его убил я.

Откуда-то, из глубин моего сознания возник образ. Я увидел, как Лаз падает навзничь и затихает, потому что я продырявил его любимую артерию. Он потерял много крови и умер, а я не помог ему. Но я должен был так поступить. Или я, или он.

Но что произошло на самом деле?

Или мне хотелось, чтобы произошло именно так?

Я подошел к двери, слегка толкнул плечом...

Флуоресцентные лампы, горящие восковые свечи, лампы накаливания. Прищурившись от яркого света, я принялся искать хозяина. Здесь? Там? Никого не видно. Кровь все стучала в висках; чуть расслабив руку, державшую нож, я вдохнул воздух в легкие и осмотрелся. Значит, спальня... Отлич-

но. Хозяин дома питает слабость к хищникам... Шкуры, мех на полу. Огромные комнатные растения. Мотив джунглей – волнистые полосы, как на тигровой шкуре, игра черного и оранжевого.

Я посмотрел на кровать красного дерева. Внушительная кровать под пологом была не прибрана. В головах на спинке кровати, словно гордый девиз, были вырезаны готические буквы. Восемь букв, одно слово: Хэллоуин.

Должен признаться, по спине пробежал холодок, но не оттого, что я узнал это место. Даже если это моя кровать, она ни о чем мне не говорила, как, впрочем, дом в целом. Я чувствовал себя незванным гостем. Я чувствовал себя как Златовласка в аду.

Хэллоуин. Это что, праздник? Навряд ли. Имя? Утверждение? Угроза?

Философия?

Я потрогал рукой простыни, будучи почти уверен, что они окажутся теплыми. Нет, они были холодными. Мне ужасно захотелось прилечь здесь и заснуть. Лечь, заснуть и проснуться в другом месте. Но вместо этого я зашел в ванную, плеснул воды в лицо и посмотрел в зеркало.

В зеркале меня не было.

ПЕЙС ПЕРЕДАЧА 000013382291221
ОБОЗНАЧЕНИЕ ВЫБРОС КАЛЛИОПЫ
ИНФИЦИРОВАНИЕ

НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

*ДЕВЯТЫЙ ГОСТЬ ХЭЛЛОУИН СКОМПРОМЕТИРОВАН
ЧЕРЕЗ ХОСТА ЯНУСА*

*ПОДЧИНЕННЫЙ ХОСТ ДЕВЯТЬ НЭННИ (ДЕВЯТЬ)
ОПАСНО НЕСТАБИЛЕН*

*ХОСТ МЭЙ ХОСТ ТРО? НЕСТАБИЛЕН? ПРИОРИТЕТ?
ГОСТЬ ПЯТЬ ЛАЗАРЬ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ОТВЕЧАЕТ (ПРИО-
РИТЕТ)*

ПРОВОДИТСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ КОНЕЦ

Глава 2

КУЛЬМИНАЦИЯ

Число умерших возрастает, угроза все увеличивается. Многие болезненно воспринимают происходящее: они либо заканчивают жизнь самоубийством, либо убивают своих близких, чтобы избежать худшего. В некоторых случаях это акт милосердия.

Другие смиряются, собираются в группы ради единения, любви, веры и гармонии. Южанин видел в этом единодушие и согласие, к которому пришло наконец почти все человечество. Во всяком случае, в большей части вопросов. Впрочем, он находил, что произошло это слишком поздно. Где был этот дух единения, когда он был действительно необходим?

Блу считает, что для достижения гармонии необходима личная заинтересованность. В последнее время начала возрождаться вера – вера в организованную религию, праведность, проклятие, рай и ад. Люди теперь добры друг к другу, потому что надеются таким образом избежать гнева Господня, считает Блу. Сама же Блу не верит в проклятие, и ей трудно понять тех, кто верит. К своим пятидесяти двум годам она так и не нашла ни твердого свидетельства, ни научно доказанного подтверждения существования Бога. Себя она

считает атеисткой.

Южанин предпочитает называть себя агностиком с наклонностями представителя секты пятидесятников. К секте пятидесятников принадлежала его мать, причем к активной ее части, отец был баптистом, но не очень усердным. Сам Южанин не был в церкви уже много лет, хотя в детстве ему нравилось ходить в храм. Там было безопасно, что было для него очень существенно, там царил мир, там было хорошо. Но дома, бывало, мать сжимала его в объятиях и начинала говорить на непонятных языках, разговаривая, как она объясняла, с бесовскими силами, которые, как она утверждала, в нем поселились. Мирным существованием это назвать было нельзя, это был настоящий кошмар. Тихим, спокойным голосом она произносила непонятные слова, а в ее глазах он видел угрозу. Она никогда не била его, но он чувствовал, что она близка к этому, еще чуть-чуть – и она могла сорваться в бездну, из которой уже нет возврата.

И никогда, ни разу ему не показалось, что ею овладевал Святой Дух. Если Бог существует, он не одобрит такого поведения. Самому Южанину никогда не казалось, что им может овладеть нечто большее, нежели простая склонность к озорству.

– Демон внутри меня? – спрашивал он себя. – Почему тогда она меня любит?

– Люби грешника, ненавидь грех, – так она говорила. Сколько раз она повторяла это ему?

Оглядываясь назад, он понимал теперь: она ни разу не сорвалась, не перешла черту, – может быть, думал он, это и есть пусть слабое, но все-таки доказательство Божьей любви. Он был бы счастлив верить в Бога – сейчас особенно. Но каждый раз, когда он пытался раскрыть эту часть своей души, подкрадывался скептицизм и, словно белые кровяные тельца, ликвидировал инфекцию. Эта осторожность и склонность к скепсису не раз помогали ему в жизни: он принимал здравые, разумные решения. Отказаться от них теперь уже практически невозможно.

С другой стороны, нет никакой возможности избавиться от своего религиозного прошлого – тех неистовых мрачных откровений, нарушения тайн, рассказов о нечистой силе, о палках, камнях и озерах пылающего огня. Его все это не пугало – это лишь угрозы, ничего общего с реальной жизнью. Нет, история, которая ему нравилась, была проще – история Лазаря. Иисус Христос возвратил человека из мертвых. Это прекрасно. Этот фокус куда лучше, чем все, что удалось Ван Канегхему или Гуддини за всю их карьеру.

Конечно, Гедехтнис отнимает много времени, но все-таки он занят не настолько, чтобы не задумываться. И он задумывается: где же мой Спаситель? Он спрашивает сам себя: где моя вечная жизнь? Будет ли Второе Пришествие, или Лазарь умер раз и навсегда?

Подумав об этом, он вновь возвращается к работе. Работа – его спасение.

Мне захотелось выйти из игры.

Я все смотрел и смотрел в зеркало, а для зеркала я по-прежнему оставался невидимкой. Но ведь это было не так: я ясно, как днем, видел свои руки, одежду, ботинки, но для зеркала я как будто не существовал.

Ну ведь должно быть какое-то разумное объяснение происходящему!

Думаешь, должно быть? Как тебе понравится такой вариант: ты умер.

Но это просто глупо. У трупов тоже есть отражение. А кроме того, я не чувствовал себя мертвым.

Повторить это еще раз: я не чувствовал себя мертвым.

Откуда тебе знать, как чувствуют себя мертвые? Теперь ты просто призрак. Добро пожаловать в новое пристанище.

Но я не могу проходить стены насквозь.

Тогда ты вампир, обреченный вечно бродить по земле.

Вампир? Я? Но это просто смешно. У меня такая же кровь, как у любого другого.

Ты убил Лазаря.

Этого отрицать я не мог, впрочем, не мог и согласиться с этим. На меня давило страшное чувство вины, в туманных, расплывчатых воспоминаниях причудливо переплетались истина и вымысел. Я считал себя вполне порядочным

человеком, но казалось, во мне поселилось какое-то безумие.

К тому же в глубине души я по-прежнему был уверен в своей невиновности.

Наполнив раковину и сложив ковшиком ладони, я плеснул воды себе в лицо. Капли скатывались с кожи, стекая в раковину, от них разбегались круги. А над этими кругами... я не мог поверить своим глазам...

Капли в зеркале возникали как будто из воздуха. Они становились видимыми, как только стекали с моего лица, но ни на секунду раньше.

Взяв нож за самый кончик, я подбросил его. Как только я выпустил его из рук, нож стало видно в зеркале. Я поймал его – нож опять стал невидим.

Похоже, я был человеком, не склонным отражаться в зеркале.

Я поднес нож поближе к свету.

Я внимательно посмотрел в воду.

Нигде не было моего отражения.

– Может быть, я совершил убийство из-за какого-то дежавю, – пробормотал я вслух. Тембр моего голоса показался мне странным. И без зеркала я мог понять, что у меня белая кожа и рыжие волосы. Выдернув прядь волос, я убедился, что они действительно ярко-рыжие.

Хоть что-то. Но я по-прежнему не знал, как выглядит мое лицо. Я попытался определить на ощупь. Вверх, вниз, вле-

во, вправо, провел по лицу рукой. Обнаружил два глаза, нос, губы, зубы, язык, подбородок, уши. Ничего необычного. Я искал шрамы, но их у меня не было, – никаких физических недостатков.

Опять раздался невыразительный голос, словно пульсируя, он шел одновременно отовсюду и ниоткуда.

«Хо... бы... удо... обсу... в...»

Мои мускулы рефлексивно сжались.

– Заткнись! – зарычал я.

Удивительно, но голос сразу же смолк.

Наверное, мне следовало обрадоваться, но радости я не почувствовал. Какие отвратительные, надоедливые тюремщики – разве станут они меня слушать? По зеркалу, словно стигматы, побежали буквы, слова возникали целиком:

ТАКАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ ЛУЧШЕ?

Я разозлился еще больше.

– Оставь меня в покое!

ЕСЛИ ТЫ ЗАНЯТ, Я МОГУ ВЫДЕЛИТЬ ДЛЯ ТЕБЯ ПРОСТРАНСТВО.

Я ударил зеркало кулаком. Я бил по нему до тех пор, пока все буквы не исчезли, пока не разбил костяшки пальцев, пока раковина не наполнилась осколками, а вода в ней не по-

краснела от крови. До тех пор, пока не выразил свою точку зрения. Воцарившаяся после этого тишина буквально оглушила меня.

Руки мои кровоточили. Я был весь в крови и весь покрылся испариной. Мне едва удавалось сдерживать стоявшие в глазах слезы.

Как это ни странно, но за зеркалом ничего не оказалось. Я рассчитывал найти там проход в другое измерение. Я с удовольствием посидел бы сейчас где-нибудь за бутылочкой текилы.

Я порылся в аптечке, нашел набор первой помощи, перевязал руки. «Как глупо», – подумал я. Минуты две или три я смотрел на перебинтованные руки, мне так было жаль себя. Наконец я вернулся в комнату в стиле сафари, туда, где стояла огромная кровать красного дерева.

Никаких опознавательных знаков, никаких бумаг. Никаких дневников. Совсем немного зацепок: одежда (необычные фасоны и покрои, в основном черного цвета, несколько оранжевых, совсем немного вещей других цветов), несколько безделушек, несколько статуэток, которые походили на Шиле или Трана. Ничего ценного, ничего, что помогло бы мне.

Я кое-что примерил, одежда оказалась мне впору. Без зеркала трудно было судить, но я чувствовал себя удобно. Однако я сразу почувствовал беспокойство.

Рыжие волосы на подушке – еще один дурной знак.

В выдвижном ящике я обнаружил двадцать два серебряных медальона на серебряных цепочках, на них изображены были карты главного аркана таро. От «Дурака» до «Мира», я сразу узнал их. Взяв одну из них – на ней было написано «Маг», – я надел ее на шею. Сам не знаю, почему я это сделал. Просто мне показалось, что так надо.

Потом я прошелся по всему верхнему этажу. Кладовки, спальни для гостей... и вдруг – ура! – распределительная коробка. Методом проб и ошибок, с небольшими передышками я довольно быстро подключил электричество во всем доме.

Дом был неудобным. В нем было все для комфорта, но не хватало необходимого. В стильной современной кухне я не нашел еды. В доме был превосходный рояль, но рядом не было стула, чтобы сесть и играть на нем. Некоторые комнаты выглядели вполне жилыми, другие же имели вид заброшенных, никогда не используемых помещений.

Библиотека была просторной, все стены занимали стеллажи с книгами. Но на корешках не было названий. Я взял одну наугад. Все страницы были пустыми.

«Шутка», – решил я.

В игровой комнате находился стол для пула, покрытый черным войлоком, и шестнадцать шаров, все оранжевые, кроме белого битка. Я обнаружил там хрустальную пепельницу, все окурки в ней были от сигарет с гвоздикой.

– Популярная марка, – проворчал я.

Я посмотрел на великолепные старинные часы, стоящие в опасной близости к столу. Большая стрелка приближалась к девяти, маленькая стояла на шести. «Рассвет», – подумал я, но за окнами стояла темнота – видимо, часы давно не заводили.

Неслышно подкралась черная кошка и свернулась у моих ног. Она дружелюбно потерлась о мою ногу головой. Я взял ее на руки и рассмотрел ошейник.

Там было написано – *УИСПЕР*.

Шерсть ее лоснилась, за ней, наверное, хорошо ухаживали. Я почесал кошку за ухом. Она замурлыкала в ответ, такое теплое, счастливое мурлыканье. Кажется, я ей нравлюсь. Не исключено, что мы знакомы – насколько это вообще возможно между человеком и кошкой.

Уиспер, вероятно, ожидала чего-то более существенного, чем ласка. Я отнес ее на кухню и стал искать кошачью еду. Еды нигде не было. Зато я нашел бутылку сливок. Уиспер, похоже, ничего не имела против такого угощения.

Я нашел обрывок веревки, и мы с ней проиграли до самого рассвета.

ДЕНЬ 2

Я вышел из дома.

Дождь закончился, но воздух все еще был влажным. Я

вдохнул полную грудь воздуха, пахнувшего дождем, и отправился вокруг дома.

Ничего интересного. Ни генератора, ни электрических проводов, ни ветротурбины. Но откуда берется электричество? Некоторое время я молча курил, размышляя, наслаждаясь теплом утреннего солнца. Еще одна загадка: ни телефона, ни телеграфа, ни модема, ни даже устройства для телеконференций. Не было радио, телевидения, не было передатчика. Черт, даже почтового ящика не было.

Полнейшая изоляция. Зачем было нужно?.. Хотя нет, оборвал я сам себя, не полная изоляция, здесь есть мигающие огни, бесстрастные голоса и только Бог знает, что еще.

Нужно обследовать окрестности. Это самое лучшее решение. Я взглянул на дом еще раз – не упустил ли я что-нибудь важное. Дурацкое занятие. Бессмысленное. Я даже посмотрел на трубу. Привет, Санта, ты еще там?

Для Уиспер Рождество наступило раньше обычного – я оставил ей все сливки, какие были в доме, и открыл окно. Я не знал, когда я вернусь, если вернусь вообще, впрочем, если станет туго, она может поохотиться на сверчков.

Вооружившись кухонным ножом, зажигалкой, сигаретами, биноклем и старомодным компасом, которые нашлись в подвале, я отправился за знаниями. На север, решил я. Знания расположены на севере.

Шаг за шагом я двигаюсь вперед.

В воздухе кружатся бабочки.

Прекрасный день, все предусмотрено. Я шагал вдоль полей пшеницы, ячменя, кукурузы, тыкв. Очень много тыкв. Никто не следил за урожаем, конечно. Фермеры отсутствовали, как мое отражение в зеркале. Я постарался не обращать на это внимания. Мне пришла на ум какая-то мелодия, и я начал насвистывать ее. Интересно, я ее помню или сочиняю прямо на ходу?

Хриплое «кар-кар» заставило меня посмотреть на небо, но ворон я не увидел. Снова «кар-кар» – настойчиво, громко. Вон она: вылетела из-за деревьев, коричневая птица с хвостом, глаза красные, как рубины. Коричневая ворона. Полуальбинос, решил я. Очень редкая. Она разрежала воздух элегантными взмахами крыльев, кричала, показывая розовый язычок. Потом повернула в сторону, плавно заскользила в воздухе. Полетела к кукурузным полям. Может быть, я ее обидел? Налетел осенний ветер, подтолкнул меня, но тотчас стих. Я ускорил шаг.

Впереди плакучие ивы, красивое тенистое место, прекрасно подходит для семейного пикника. Правда, при условии, что ваша семья не очень привередлива.

Потому что место это – кладбище.

Ровные ряды, два на пять. Всего десять могил.

Десять.

Ирландские могильники – я знал, что они называются сидхи, – украшенные мелкой белой галькой, уложенной в память о почивших. На надгробиях надписи – готические бук-

вы: Ш, Ф, Х, И, Л, М, П, С, Т и В.

"Х" означает Хэллоуин, рассудил я. "Л" – Лазарь.

Л – никаких проблем, но Х – единственная открытая могила. Я осторожно подошел ближе, заглянул: оттуда на меня смотрел богатый деревянный гроб. Он был открыт. И пуст.

Добро пожаловать домой?

Я потратил несколько отвратительных минут, чтобы раскопать могилу, обозначенную буквой Л. Ни тела, ни гроба. Ничего. «Здорово!» – подумал я. Так и подмывало разломать что-нибудь, но бинты на руках несколько усымиряли мой пыл. Правда, руки уже не болели. Я машинально размотал повязку, погруженный в размышления. Посмотрел на них.

Костяшки пальцев полностью зажили.

Быстро, однако. Все, чего мне недоставало с точки зрения энграмм, я с лихвой наверстывал скоростью восстанавливаемости клеток.

Вытянув руки, я несколько секунд держал бинты над могилой, затем разжал пальцы. Они упали в гроб, чуть зашуршав, словно засохшие листья.

Я предполагал, что должен вспомнить этот гроб, но – ничего. И я подумал, что это очень хорошо, лучше и быть не может, я не люблю намеки. Наверное, есть вещи, о которых не стоит вспоминать.

Я коснулся рукой воображаемой шляпы, отдавая почести остальным могилам. Если кто-то наблюдал за мной в тот момент, жест, наверное, мог показаться довольно насмешли-

ВЫМ...

Но я не хотел никого обижать.

* * *

Неотрывно глядя на стрелку компаса, я продолжил путешествие.

Скоро. Слишком скоро я обнаружил элегантную церковь. Ну конечно, кладбище всегда находится рядом с церковью, это вполне естественно. Но это была не совсем церковь. Чем ближе я подходил, тем больше убеждался, что она похожа на...

Похожа на собор.

Кажется, этот собор я уже видел. Он мне знаком, даже слишком.

Стрелка компаса все так же указывала на север.

Мне не нужно было проверять, открыто ли окно, которое я открыл для Уиспер. Можно назвать это шоком, духом противоречия, но я просто хотел убедиться. Когда мои ожидания подтвердились, у меня не было необходимости лезть на второй этаж, чтобы еще раз увидеть окровавленные осколки в раковине, но я это сделал. Я проверил.

Каким-то необъяснимым образом я снова попал в этот дом.

Тогда мне пришло в голову, что я блуждаю здесь, как Алиса в Зазеркалье. И я опустился на колени. Я изрыгал прокля-

тия. Все это было дьявольски нечестно. Мне хотелось кричать. Мне хотелось свернуться клубком. Мне хотелось убить кого-то, того, кто все это сделал. Мне хотелось вернуть свою память.

Мне хотелось, хотелось, хотелось...

И тут меня словно кто-то ударил. Вмиг все стало предельно ясно.

Это была не совсем память, скорее ощущение, оно возникло внутри меня, бессознательное, мощное. Я не мог от него ни убежать, ни скрыться. И понял я следующее.

Что-то должно произойти, что-то ужасное. Нечто, что не выразить словами. На его фоне все мои проблемы стали ничтожными. Если я не вспомню, кто я такой и что со мной произошло, очень скоро ничто не будет иметь смысла, потому что всему придет конец. Это «что-то» ускользало от меня, но я знал, что оно огромно, знал, что, когда придет «конец», приближение которого я осознал сейчас, ангелы будут рыдать. Я чувствовал это каждой частичкой своего тела, знал куда лучше, чем самого себя сейчас. И еще кое-что я осознал почти сразу. Знание это всплыло из глубины моего подсознания, как дохлая рыба со дна пруда: моя жизнь в большой опасности.

Электрический шок, паралич – кто-то пытался меня убить. Я чувствовал это очень отчетливо, и это было так просто. Да, кому-то нужно, чтобы я был мертв.

Ты убил Лазаря. И это возмездие.

Я не мог согласиться. Чувство опасности было куда больше, Лазарь лишь маленькая его частица...

Ты не успеешь все выяснить вовремя.

«Успею», – пообещал я себе.

Но и сам не мог себе поверить.

* * *

Быстро стемнело, так быстро ночь не наступала еще никогда. Мне было все равно. Я не устал, мне не хотелось есть, адреналин насыщает лучше материнского молока. Пора в путь.

Я повернулся, чтобы пойти в другую сторону, стрелка компаса повернулась вместе со мной. Я был одновременно на севере и на юге. Прошлой ночью я бежал с запада... значит, слева восток? Почему бы и нет?

Недалеко от дома я увидел прибитого к дереву игрушечного медведя. Возможно, это была моя игрушка. Лучше не думать об этом.

Это случилось, когда я был уже в двух или больше милях от дома.

Погрузившись в свои мысли, я не очень-то смотрел по сторонам, все пытался понять, как получилось, что я вернулся туда, откуда шел. Или мой мир был совсем мал? Но если это так, как только я прошел Северный полюс, компас должен указывать на юг, разве нет?

Слабый запах. Ветер принес запах сырой кожи и мочи. Ко-

гда я это заметил, было уже поздно.

Они выскочили из темноты и схватили меня за руки. Какие-то темные существа, я не мог их разглядеть. Нож выпал из руки. Я отчаянно сопротивлялся. Кожа начала неметь, когда они поволокли меня, действовал какой-то токсин, отрава, активизирующийся от прикосновения. Они явно спешили...

Их было всего двое – справа и слева, – но они легко подняли меня. За спинами у них трепетали крылья. Я почувствовал, что не могу пошевелить ногами, как будто змеи переплели лодыжки. Кровь пульсировала, меня трясло, удары сердца отдавались в ушах. Взошла полная луна – полнолуние перед осенним равноденствием. Серебристый диск выглянул из-за туч, и я повернул голову, чтобы увидеть лица схвативших меня существ.

Ничего.

Лиц у них не было.

Я закричал от ужаса, я кричал, пока горло не заболело так, словно я прополоскал его кислотой. Потом я уже только бормотал всякую чепуху, и, когда исступление достигло высшей своей точки, я случайно произнес два слова, оказавшихся волшебными: «Отпустите меня!»

И они повиновались...

Я полетел вниз. Я падал с огромной высоты. Вниз, вниз, со страшной скоростью, на землю, на все приближающуюся землю. Я упал на что-то огромное и мягкое, подпрыг-

нул, снова упал в грязное болото. Выплюнув попавшую в рот болотную жижу, я попытался подняться на ноги. Нужно убраться отсюда поскорее, прежде чем вернутся демоны... мороки.

Я остановился. Мне нужно было собраться с мыслями. Да, меня охватил трепет узнавания, что-то внутри меня сдвинулось с места, как будто хотело выйти наружу. У крылатых существ было имя. Их звали мороками. Откуда я это знаю?

«Они не разговаривают и не смеются, — вспоминал я. — Они не улыбаются, ведь у них нет лиц: там, где должно быть лицо, — просто гладкое место... все, что они могут делать, — это хватать и летать, еще щекотать. Вот и вся их жизнь».

От сознания, что я помню это, мне стало хорошо.

Может быть, это стихи? Какая-то книга, предположил я, страшная сказка. Я помню вымышленных чудовищ из сказки. Разум мой не желал признавать подобное, ведь подобного просто не может быть, это противоречило всем законам логики.

Потому что они были моими чудовищами.

Не совсем так. Мороки принадлежали Лавкрафту. Помнил я мало, но точно знал, что писатель Говард Филипс Лавкрафт был моим героем, по крайней мере, я им восхищался. Я смутно припоминал, что он описывал подобные ужасы, и я любил его книги за это, а в его честь создал мороков в этом пустынном месте. Но как я это сделал?

С ответами на эти вопросы придется подождать, главное

сейчас – выжить. Хищники где-то совсем рядом, теперь я помнил, кто они, но это не значит, что они не могут разорвать меня в клочья или расправиться со мной как-нибудь иначе.

Я осмотрелся. В темноте и тумане было трудно разобрать что-либо, зловонные болотные газы, поднимавшиеся со дна, висели в воздухе, словно густое химическое облако. Грязно-белый туман покрывал большую часть болота, и мне уже казалось, что я заблудился в лабиринте.

Я споткнулся сразу же, как только вступил в полосу тумана.

Туман, обыкновенный с виду, был твердым на ощупь, его можно было выжимать. Теплый, студенистый, словно резиновый, он казался органическим, почти живым. Он обволакивал меня, и я чувствовал прикосновения, мягкие, будто губка...

С содроганием я двинулся вперед по этому туманному лабиринту, то и дело проваливаясь по колено в хлюпавшую жижу. Лабиринты для альпийца – незаконченные кандалы, путь через лабиринт символизирует духовный поиск центра.

К черту центр, я просто хочу выбраться отсюда.

Наконец я добрался до края болота, здесь оно переходило в пологий склон невысокого холма. На берегу полукругом стояли мороки. Их было восемь: черные, блестящие, рога и когти, крылья, как у летучих мышей, хвосты с колючками. Они стояли лицом ко мне, не издавая ни звука. Впрочем, я

неверно выразился, лиц у них не было. Я мог бы сказать, что они разглядывают меня, если бы у них были глаза.

Мороки – порождение безумия. Я не мог даже предположить, что они будут делать, как не мог предсказать и свое поведение. Я боялся нападения. Быстрого, неожиданного нападения.

– Полагаю, вы удивлены, зачем я позвал вас сюда, – заговорил я.

Они не реагировали.

На сосне заухала сова, я решил, что это знак – пора вылезать из трясины. Приятно чувствовать твердую почву под ногами. Шаг, еще шаг. Все спокойно. Я старался двигаться медленно и держать руки на виду: мне не хотелось, чтобы мои действия были восприняты превратно.

Третий шаг... Тут я заметил ее.

Она прошла сквозь молчаливые ряды: вся в черном, миндалевидные глаза, длинные черные волосы туго завязаны в хвост на затылке. Она была человеком, сильная, чем-то знакомая. К тому же очень симпатичная.

– Удачная встреча, – улыбнулась она мне. – Мы давно тебя ищем.

– Я здесь.

– Ты ранен?

Я нахмурился.

– А что, должен был?

Улыбка увяла. В глазах смятение.

– Вовсе нет, – ответила она.

Я никак не мог вспомнить ее имя. Тогда я попробовал отгадать.

– Симона.

Ответ был написан на ее лице: я не угадал. Но все равно она похожа на Симону. Я почти угадал.

– Я не... – начала она, но я тотчас перебил ее.

– Жасмин. – Я уловил ее аромат.

– Да.

Нас разделяло не больше пяти шагов. Я подошел ближе.

Я увидел в ее глазах свое отражение.

– Не двигайся! – крикнул я.

Она остановилась, вероятно, она подумала, что я не в себе. Мне было все равно. Я разглядывал свое отражение в ее глазах. Я увидел молодого человека, худого и крепкого, волосы цвета мандарина коротко пострижены, а настороженные глаза настолько темны, что можно назвать их черными.

– Скажи, кто я?

– Хэллоуин, – ответила она.

Мне очень не хотелось это слышать, но, когда она уже произнесла мое имя, я почувствовал некоторое облегчение. Значит, тот дом все-таки мой и я – Хэллоуин. Черт, подумал я. Хотя могло быть и хуже.

– Кто это?

– Ты – мой лорд Хэллоуин, принц болот, король Кадата, верховный соверен оранжевого и черного.

Я чуть не расхохотался: подумать только, всего минуту назад я весь дрожал от страха. Звучит неплохо. Видно, принадлежу я не к низшему сословию, это тебе не какая-нибудь пара жалких титулов. Мне пришло в голову, что титулы эти – шутка и я просто не могу ее вспомнить. Не думаю, что кто-то может воспринимать все это всерьез. Чуть позже мне показалось, что я помнил: за ними стоит вполне разумное объяснение. В моих предках текла голубая кровь, и я был частью особенной семьи.

В голове у меня возник образ: школьники, сидя за партами, поют: «Я особенный! Жизнь моя имеет смысл!»

– Кто мои враги?

– Нет никого, с кем ты не смог бы справиться. То есть враги все-таки есть. И они где-то близко.

– Назови их имена, – потребовал я, входя в роль.

– Фиолетовая королева. Черный рассвет. Д'Врай, творящий вдов.

Эти имена ничего мне не говорили, кроме того, что они были безнадежно водевильны. Как печально. Я думал, что смогу вспомнить своих противников. Жасмин неверно поняла мой хмурый вид, решила, что мне не понравился ее ответ.

– Есть и другие, – добавила она.

– А союзники?

– Ты видишь их перед собой.

Я кивнул и потянулся за последней сигаретой. Глаза Жасмин сузились.

– Почему ты проверяешь меня?

– Предосторожность.

Она обратила на меня взор миндалевидных глаз, и я понял, что обидел ее. Тогда мне пришлось солгать.

– Я опасаясь двойников. Я не хотел огорчать тебя, но вчера я обнаружил самозванку, она выглядит точь-в-точь как ты – глаза, волосы, лицо. Она похожа на тебя, словно вы близнецы. Она называет себя Симоной, боюсь, она собирается расправиться с нами, обманом проникнув к нам.

– Это же ужасно! – воскликнула она, и на минуту мне показалось, что она позволила себя провести, но она продолжила: – Но кто мог послать такого двойника?

Я ничего не ответил. Я чувствовал себя актером на сцене, все это было забавно, все понарошку, но интуитивно я чувствовал, что опасность вполне реальна.

– Я убью ее, как только найду, – пообещала она.

Мрачные, стоические слова... я не сомневался, что она выполнит угрозу. Судьба мне улыбнулась: мне повезло, что Жасмин на моей стороне.

– Что-нибудь произошло, пока меня не было? – спросил я.

Она неопределенно махнула рукой.

– Ничего важного. Просто я начала волноваться, куда ты пропал. Я отправила Дьябло и Уиддершинса к тебе домой, а когда они сообщили, что тебя там нет, я послала Поппея, Блутто, Хадсона, Саблю и Гульса искать тебя.

Имена мороков, я думаю. Интересно, кто из них пытался

научить меня летать?

– Извини, что заставил тебя волноваться, – сказал я.

– Я сама виновата, была слишком самонадеянна, – ответила она, я так и не понял, что она хотела этим сказать.

Вспышка света. Тут я совершил ошибку: посмотрел прямо на свет. Когда ослепленные ярким светом глаза наконец снова могли видеть, я понял, что свет этот мигает: фиолетовый-розовый-фиолетовый-розовый-фиолетовый-розовый. Блуждающий огонек, похож на стеклянный шарик. Пожалуй, крупный шар... будто биток.

Жасмин напряглась.

– Фиолетовая королева! – воскликнула она.

Так-так. Поскольку я не видел ничего, кроме мигающего спрайта, я решил, что Жасмин говорит о дистанционном приборе моего врага, пресловутой Фиолетовой королевы. Визитная карточка.

– Думаешь, она хочет поговорить?

Жасмин ухмыльнулась.

– Ты собираешься ответить? – поинтересовалась она.

– Конечно, – ответил я, пытаюсь казаться уверенным. –

Почему бы и нет?

Понятия не имею, как мороки могли слышать меня, если у них нет ушей, но они зашевелились, начали занимать оборонительные позиции. Жасмин координировала их перемещения, подавая им сигналы руками и пальцами. Выглядела она внушительно.

– Я готова, – произнесла она, как только войско построилось.

Я не сомневался, что этот огонек – просто хитрый трюк. Я пытался отгадать, как он устроен.

Ответ, ответ, ответ...

Я сжал руку в кулак и сдавил его, очень сильно. Я сосредоточился на этом давлении и прикрыл глаза.

Ответ, ответ, ответ...

Я раскрыл ладонь, посмотрел на нее. На ладони мерцал шарик, размером с биток, мой спрайт попеременно мигал: черный-оранжевый-черный-оранжевый-черный-оранжевый. Мои цвета. Счастливого Хэллоуина.

Красный-зеленый, желтый-синий, фиолетовый-розовый, оранжевый-черный. Стандарты. Геральдика. Символы и поэмы.

– Блуждающие огоньки, – подумал я. – Дурацкие блуждающие огоньки.

Я переглянулся с Жасмин и швырнул черно-оранжевый в сторону фиолетово-розового.

Мой спрайт парил в воздухе, потом нашел своего противника, и они закружились, все быстрее и быстрее, словно протон и электрон в поисках ядра, словно влюбленные светлячки. Наконец они соприкоснулись.

Хаос, хаос в чистом виде.

Прямо в ушах у меня раздавались хлопки, будто лопались зернышки попкорна. Мой мир начал сходить с ума, изви-

ваться и падать. Я содрогнулся: казалось, он растянулся до бесконечности. Все вертелось у меня перед глазами, мне почудилось, что я сейчас вылечу отсюда в иное пространство, но все опять вернулось на свои места, так же быстро, как до этого изменилось. Я вновь оказался на том же месте, только чуть в стороне.

Я стоял на склоне холма. Болото тоже было на месте. Там же были мороки и Жасмин. Но...

Но откуда-то здесь возникли горы, которых раньше не было, все стало фиолетовым, а на ночном небе засияли три луны.

Смайлики выглядели кровожадно...

* * *

Название этих существ возникло в моей памяти само собой: тошнотворного вида гуманоиды с золотыми лицами, к которым прилипла неизменная идиотская улыбка. Это были клоны, а потому различить их можно было только по цветам их странных костюмов: яркие оттенки красного, желтого, зеленого и синего, смешанные с заливающим все вокруг фиолетовым светом. Они держали автоматы в обтянутых кожей когтистых лапах.

Откуда-то доносился высокий визгливый женский голос. Я сразу же понял, что это и есть Фиолетовая королева.

– Вперед, вперед, вперед, вперед! – пронзительно вопила

она.

Смайлики начали стрелять.

Пули разили мороков, вокруг стоял оглушительный грохот. Я прижался к земле и пополз к болоту.

Мороки пикировали с неба, хватали Смайликов по одному, но те палили в автоматическом режиме, и ни одно из моих существ не было в состоянии выжить, получив целую обойму. Швейцарский сыр, отвратительный балет... мне смутно припомнилась музыка – регтайм, свинг двадцатых, кому-то нравилась такая музыка.

Жасмин схватила Смайлика и оторвала ему голову, затем с силой отшвырнула его товарища. Откуда такая сила, я не мог себе представить, но зрелище было великолепное. Она обезоружила еще одного, другого разорвала пополам. Она была как ураган. Она приближалась к пятому...

Мороки истекали флуоресцирующей голубой кровью, кровь Жасмин была красной, такой же, как у меня. Свинец пробил ей легкие, она упала... Я закричал, а Фиолетовая королева захохотала.

Она возникла из туманного лабиринта: психотическая гарпия, украшенная цветами лаванды. В руках она держала арбалет. Похожая на испорченную маленькую девочку, неудачный конец кислотного пути, воплощение боли, она была слишком ярко накрашена.

Арбалет был нацелен мне в голову. Бац! – Первый выстрел угодил мне в ухо.

Я бросился на нее.

Фиолетовая (я догадался, что это не настоящее ее имя) потянулась за следующей стрелой, но мы оба знали, что она не успеет. В ее глазах я увидел только беспокойство, но не страх. Не страх? Я был настроен оторвать ей руки и ноги.

Но я не успел.

Что-то взорвалось, и у меня подогнулись колени. Через секунду меня пронзила боль, а я между тем пытался осознать, что случайная пуля попала в меня. Прямо в голову.

Болото приняло меня, я плыл, лежа на спине. Фиолетовая смеялась, тыкая в меня пальцем. Левый висок отчаянно болел, я истекал кровью. Но не умирал.

– Вкусный! – заявила Ф. К.

«Детройт!» – завопил мой мозг какую-то бессмыслицу, впрочем, как всегда.

Битва кипела. Смайлики не обращали на меня внимания – и слава богу. Я слишком ослаб, у меня кружилась голова, и поэтому я просто лежал, истекал кровью, замерзал, промок, чувствовал себя ничтожно маленьким. Я смотрел на небо, в котором было три луны. В нескольких метрах над собой я видел спрайты, фантастические, сказочные, теперь они мигали иначе: фиолетовый-оранжевый-розовый-черный, снова и снова.

Я потянулся за черно-оранжевым, но он был слишком высоко.

– Вернись ко мне, – прошептал я.

Пул? Малый пул там? Воображение.

А если с другой стороны?

Я стиснул зубы, я весь был натянут, словно струна.

– Вернись.

Мои глаза закрылись. Я хотел вернуть этот шар. Он был мне нужен.

А маньячка, одетая в фиолетовое, заходилась криком:

– Побеждаю! Я побеждаю!

Я услышал приглушенные болотом шаги, она шла ко мне.

Нет времени!

Я решил, что он должен уже быть в моей руке. Моя рука сияет черным и оранжевым.

Я открыл глаза, спрайт скользнул мне в руку. Мир вытянулся и взорвался, земля и небо вздрогнули, моя вселенная оторвалась от вселенной Фиолетовой королевы: вокруг меня не было больше величественных фиолетовых гор, все было так же, как до начала боя.

* * *

Я вернулся. Вернулся. Сам не знаю куда.

Я снова на болоте, понял я.

Голова кровоточила. Рана неглубокая, видимо, пуля отскочила от кости. Такое случается, один случай на тысячу, один на миллион.

Мой ангел-хранитель, помогавший мне в моей призрач-

ной жизни, не стал помогать моим союзникам. Поборов слабость, я перевернулся, встал на колени и пощупал пульс. Его не было совсем. Жасмин лежала на холме лицом вниз, изрешеченная пулями.

Смайлики исчезли, исчезла Фиолетовая королева, но все было разрушено, и это повергло меня в ужас. Жасмин храбро сражалась и погибла. Но за что?

В этой войне совсем не было смысла. Все здесь было бессмысленно.

Глядя на труп Жасмин, я вдруг почувствовал себя старым, просто древним. Руки мои дрожали, как у паралитика. Очень осторожно я перевернул ее на спину. Глаза ее были закрыты.

Я подумал, что Жасмин нужно похоронить. Но не стал, только подумал. Я смотрел на нее и понимал, что она была единственным человеком, кто мог помочь мне найти смысл во всем этом.

Мне казалось, что было правильно принять вызов Фиолетовой королевы. Я чувствовал в себе силу, неземную мощь, которой не понимал. Когда я воспользовался этой силой, неважно, какой ее частью, она оставила на мне шрам. «Маг» все еще висел у меня на шее, интересно, что это значит? Черная магия. Некромантия. Самые нечестивые тайны.

Я поднялся с земли и стер кровь со лба. Вокруг меня столпились мороки, их осталось не больше дюжины, большинство были ранены.

– Ты понимаешь меня? – спросил я одного из них.

Никакого ответа, только легкое движение головы. Я раскинул руки, как на распятии.

– Отнесите меня домой.

Один взял меня за левую руку, другой – за правую.

Мы полетели.

* * *

Сервис был на высоте – меня доставили прямо к дверям с солнцем и луной, а как же иначе? Мороки исчезли в тени. Я вошел в дом.

Слова висели прямо в воздухе, они пылали как огонь.

А СЕЙЧАС ВРЕМЯ ПОДХОДЯЩЕЕ?

Я поколебался. Наконец решился: «Да»,

Слова еще некоторое время оставались на месте, потом сменились на другие.

Я МОГУ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ?

– Давай, не стесняйся.

– Если ты хочешь побыть в одиночестве, я могу прийти в другой раз, – услышал я в ответ, на этот раз слова произносили, а не писали. Голос был бесцветным, механическим,

вежливым, бесстрастным, нейтральным.

– Нет. Сейчас вполне подходящее время.

– Диагностика Пейса определила только периферийные повреждения, но, если принять во внимание неблагоприятные психологические обстоятельства, я начала беспокоиться о твоём здоровье.

– Психологические обстоятельства? – переспросил я.

– Резкий скачок выбросил меня из системы более чем на тридцать один час. Думаю, такая задержка вызывает опасения.

Скачок? Я стер кровь с волос и пожал плечами.

– Хэллоуин, я прошу прощения, я напутала тебя. Я не знала, что моя вокализация была не в порядке. Зато выброс помог системе наладиться.

– Приятно слышать, – ответил я. Хэллоуин. Имя не казалось мне подходящим, я чувствовал, что это лишь видимость, я взял себе чужую личность.

– Естественно, вокализация была переустановлена как приоритетная форма после скачка, – сказала она.

– Естественно.

– Ты хочешь установить приоритет?

– Да, хотел бы, – сказал я бестелесному голосу, поднимаюсь по ступеням в спальню. – Сделай, как было раньше.

Зазвучал новый голос, я узнал его.

– Думаю, этот тебе больше понравится. Аристократическая манера, британский выговор, женский, изысканный.

Опля!

Несколько ценных воспоминаний вырвались на волю.

– Намного лучше, Нэнни, – подтвердил я. – Как приятно снова тебя слышать.

ПЕЙС ПЕРЕДАЧА 000013382308475

ХОСТ ЯНУС СТАБИЛИЗИРОВАН

**ПОДЧИНЕННЫЙ ХОСТА ДЕВЯТЬ НЭННИ (ДЕВЯТЫЙ)
СТАБИЛИЗИРОВАН**

СВЯЗЬ ВОЗОБНОВЛЕНА

ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ УСТАНОВЛЕНЫ

**ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ЗАЩИТА ГОСТЕЙ (ВСЕХ) ЧЕРЕЗ
ХОСТ ЯНУС**

**ГОСТЬ ПЯТЬ ЛАЗАРЬ ПОКА НЕ ОТВЕЧАЕТ (ПРИОРИ-
ТЕТ)**

ГОСТЬ ДЕВЯТЬ ХЭЛЛОУИН ЕЩЕ В ОПАСНОСТИ

**ГОСТЬ ДЕВЯТЬ ХЭЛЛОУИН ЕЩЕ В ОПАСНОСТИ. ИС-
ПРАВИТЬ НЕ УДАЕТСЯ (?)**

**СЛУЧАЙНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ГОСТЯМИ И СКАЧКОМ
КАЛЛИОПЫ ПОКА НЕ ЯСНА**

**ХОСТ МЭЙ ХОСТ ТРО ПРЕДЛАГАЮТ ОБРАЗ ДЕЙ-
СТВИЙ**

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ КОНЕЦ

Глава 3

РАВНОДЕНСТВИЕ

Джим Полпути взял машину, залез на заднее сиденье и закрыл дверь. Действие наркотиков проходит быстро, кайф уходит, как эгоистичная любовница. Действительно, очень похоже, подумал он. Теперь, когда он немного развлекся, нужно сохранить ясные мозги.

– Аэропорт, – говорит он шоферу и принимается напевать себе под нос.

Осака, автомобиль разрезает тьму ночи. Начинается дружеская болтовня, сейчас ему это не нужно. Ночное развлечение (оргия) вымотало все его силы, но не настолько, чтобы спать под болтовню шофера, щелчок выключателя дарит ему тишину.

Ничего нет лучше тишины, когда хочешь обдумать свои планы, решает он. Скоро станет еще тише.

Если говорить честно, то Джим Полпути – самонадеянный умник, наркоман, псих, недоделанный буддист и гений. Теперь, когда школа уже давно позади, никто, конечно, не называет его Джимом Полпути. Друзья и коллеги зовут его Джеймсом (несколько официально, с его точки зрения) или доктором Хёгуси (слишком официально, а что еще хуже – иностранцы часто коверкают его имя, произнося вместо трех

четыре слога). Он же с самого детства по-прежнему считает себя Джимом Полпути. Может быть, это смешно – пользоваться прозвищем, полученным в детстве. Джим знает это, но ему все равно: именно это имя соответствует действительности, ведь ему всегда удастся сохранять хрупкое равновесие, жить, балансируя на границе, будто он особенный, не такой как все. Словно фрактал в супе с вермишелью в форме букв.

И что за супчик! Джим был безнадежно необычен, его одноклассники, за неимением лучшего объяснения, видели причину его странностей в происхождении: полубританец, полуяпонец – ни то ни се, и то и другое. Изгой, Джим Полпути. Он разрывался между двумя древними культурами, каждая из которых и раздражала, и восхищала его; противоположные и параллельные одновременно, они пересекались на том, что ему никогда не нравилось: официальность, сады и чай. «Не говоря уже про империализм», – размышлял он, глядя на огни большого города.

– Притормози, – обратился он к шоферу. Он сказал это по-английски – сила привычки, – потом повторил по-японски. Никакой реакции. Поняв, в чем дело, Джим переключил тумблер, чтобы водитель его услышал. И вот машина мчится, лавируя среди потока транспорта, по дороге, которая Джиму нравится.

Компания Джима слилась с Гедехтнисом совсем недавно. Они занимаются разработкой и производством силиконо-

вых волокон. Когда-то, еще до изобретения технологии нервов-ферментов, сменившей их, такие волокна были «мозгом» автоматических автомобилей, и сегодня почти в каждой машине есть искусственный водитель. Пассивный гидролокатор следит за дорожными условиями и передает водителям девяносто одну тысячу сообщений в секунду, а те реагируют, изменяя скорость и направление движения.

Джиму нравятся жидкие технологии (а процветает он на стыке жидких и жестких), хотя для него не секрет, что железо и софт, конечно, важнее. Это строительные материалы, стабильные, предсказуемые, тогда как ферменты, работать с которыми куда интереснее, далеко не так надежны. Их приходится добавлять очень осторожно, как хищников в экосистему или подпрограммы в программу объективную.

Многие дизайнеры не могут (или не хотят) находить баланс между этими технологиями, они предпочитают специализироваться. Джим не доверял людям, ориентирующимся на что-то одно – железо, софт или жидкость. Как он говорит студентам-старшекурсникам, которые сбегаются на его лекции, машину надо чувствовать всю. Машина – это единство. Гармония. Машина – это взаимопонимание ее частей. Не доверяй тому, кто не доверяет машинам.

Да ладно. Хулиганы плевали на поднос с закусками, когда никто не видел. Ставили подножки. В приготовительной школе приходилось держать ухо востро. Джим прекрасно помнит, как неприятна была тогда его жизнь, как раздра-

жали и студенты, и преподаватели. Вместе с разочарованием росло и чувство превосходства.

Они не видели дальше своего носа.

И где они теперь, интересно знать?

Умирают, как и все остальные.

Бесполезно постоянно оглядываться назад, думал он. Но как же не оглядываться в прошлое, если будущее выглядит так мрачно?

Где-то за тысячи миль отсюда его ждал Южанин. Джим был нужен и Блу, и Южанину – их связывает эта работа. Гедехтнис не может обойтись без него, нужно, чтобы они действовали вместе. Южанин – мозг. Блу – тело. Доктор Джим Хёгуси (Джим Полпути) – машина-исполнитель.

Если команда будет работать вместе...

От этих мыслей Джим загорается. Всю дорогу через терминал к выходу на поле это чувство не покидает его, оно заменяет кайф от наркотика, правда, не полностью. Он садится в самолет с чувством осторожного оптимизма, он старается думать о Гедехтнисе как об очередном месте работы. Вскоре ему удастся себя убедить. Он закрывает глаза и погружается в мечты, где размышляет о перспективах и своей команде... о славе, которая ждет их в случае успеха... но не о том, чего будет стоить провал, если проект не состоится.

– Мы могли бы поговорить и раньше, если бы ты был в настроении.

– Я не был.

– Верно, – заметила Нэнни, – это подтверждает разбитое зеркало. Тебе следовало бы поискать другой выход своей агрессии, Хэллоуин. Тебе не к лицу приступы ярости.

Вот что я знаю про Нэнни.

Во-первых, Нэнни работает на меня. Выполняет самую разную работу. Во-вторых, она – или оно – оберегает меня, обеспечивает мое благополучие. Не так, как Жасмин, конечно. В-третьих, я не доверяю Нэнни.

– Принимается в качестве рекомендации, – согласился я, падая на кровать рядом с Уиспер. – Голова болит.

– Надеюсь, ты понимаешь, что боль – это расплата?

– Просто прекрасно. Интересно, что я мог поделаться, если сумасшедшая в фиолетовых цветочках нападает на меня средь бела дня?

– Ты не должен сердиться на Фантазию, она побила тебя в игре, которую ты сам же и придумал. Ты сам создавал правила игры, нужно их придерживаться.

Фантазия? Значит, Ф – это Фантазия?

Теперь понятно. Фантазия, она же Фиолетовая королева, была и похожа, и не похожа на меня. Мы и раньше сражались

между собой, чтобы развлечься и потешить свою гордость, ничего серьезного. Девушка, одержимая фиолетовым цветом. Банда Фиолетовых – контрабандисты, контролировавшие Детройт еще в «ревушие» 20-е, – вдохновила ее на создание Смайликов. Так уж у нее устроена голова. Ее врагом был не я, ее враг – гебефреническая шизофрения. Фантазия была не столько опасна, сколько ненормальна и непредсказуема. Мне было жаль ее.

– Фантазия нарушает правила, значит, и я могу.

– Именно поэтому ты постоянно навлекаешь на себя неприятности, Хэллоуин. У тебя большой потенциал, мне больно смотреть, как ты впустую растрачиваешь свои силы. Если бы ты занимался наукой, давно бы закончил университет.

Я молчал, напустив на себя угрюмый вид, хотя на самом деле я был в смятении.

– Хочешь, я сниму боль?

Я кивнул – голова болела.

– Нужно получить согласие Маэстро.

Я чуть не поперхнулся. Маэстро, Маэстро... знакомое имя. Знакомое и неприятное. Я его боялся. Он – высшее существо, старый негодяй, и он сильнее меня. Уж не он ли устроил мне шок?

– Не думаю, что стоит беспокоить Маэстро, – возразил я.

– Хорошо, – вздохнула она, – тогда, может быть, перебинтовать тебе голову?

– Да, пожалуйста.

Тотчас на раненой голове, словно по волшебству, появилась марлевая повязка.

Я подвинулся к краю кровати и встал. Уиспер покосилась на меня сонными глазами, я отправился в разгромленную ванную. Стекло в раковине, стекло на полу.

– Я сожалею, что разбил зеркало.

Осколки тотчас исчезли, вновь зеркало было целым и невредимым. Мне понравилось, я захлопал в ладоши.

– Спасибо, – поблагодарила меня Нэнни.

– Но отражения по-прежнему нет, – заметил я.

– Конечно нет. Ты ведь так хотел.

– Сделай так, как должно быть. – И зачем я отказался от собственного отражения? – У меня тонкое чувство юмора, правда, Нэнни?

– Тонкое? Я бы сказала, сомнительное.

Все ясно. В библиотеке книги без текста, могилы недалеко от дома. Дева Пресвятая. Мои шутки были очень смешными, пока я сам не стал их объектом. Тонкие, как опасная бритва.

– Отражение. Давай снова его включим.

Зеркало мигнуло – вот и я. Симпатичный незнакомец. Наполовину невинность, наполовину распутник. Или только распутник? Я протянул руку.

– Сигарету с гвоздикой.

Тотчас между указательным и средним пальцами возникла соблазнительная отравка. Я велел ей зажечь ее. Я пускал

дым колечками и размышлял, что бы еще приказать Нэнни. Возможности были безграничны.

Она прервала мою задумчивость.

– Должна тебя предупредить, Пандора поменяла позывные с желто-зеленого на желто-черный.

Так, П – Пандора, решил я. Хэллоуин, Лазарь, Фантазия, а теперь еще и Пандора. Четверо из десяти.

Кто же оставшиеся шестеро?

– Желто-черный, – повторил я, вспоминая спрайт. – Назови мне еще раз все позывные, пожалуйста.

– Как скажешь. Шампань: розовый – черный, Фантазия: фиолетовый – розовый, Хэллоуин: оранжевый – черный, Исаак: красный – оранжевый, Лазарь: белый – зеленый, Меркуцио: красный – зеленый, Пандора: желтый – черный, Симона: серебряный – синий, Тайлер: желтый – синий, Вашти: синий – зеленый.

Тайлер – Меркуцио – Хэллоуин. Нас что-то объединяло, я чувствовал, мы были бандой. Пандора тоже была ничего, девчонка-сорванец. Имя Симоны вызвало лишь чувство грусти и одиночества. Остальные имена я тоже помнил, но как-то смутно. Они вызывали неприятные ассоциации.

Интересно, кто из них – яблоко с червоточиной?

Если бы Лазарь мог говорить, он, вероятно, назвал бы Хэллоуина: пресыщенного, порочного, прогнившего насквозь Хэллоуина.

Прекрасно, но кто пытался убить меня? Мне нужно про-

следить все свои перемещения. Что я делал перед выбросом? Перед выбросом я...

Что?

Голая стена.

Ну почему у меня именно амнезия? Почему не гипермнезия? Не гиперкинез? Или ипохондрия?

– Нэнни, что я делал перед выбросом?

– Странный вопрос, – удивилась она. Это был неверный шаг.

– А я и сам странный, – выкрутился я.

– Ты хотел, чтобы тебя оставили в одиночестве. Я выполнила твоё желание. Ты ведь помнишь?

Я пригладил волосы, пытаюсь изобразить беспечность.

– Давай представим, что не помню.

– До какой степени?

– Какие у тебя большие зубки, Нэнни.

– Это что, новая игра? – вежливо ответила она, не скрывая смущения. Видимо, она хотела сказать, «чтобы лучше кусать тебя».

– Никакая это не игра, глупышка. Я дразню тебя. Но все-таки хотелось бы знать, чем вызван выброс.

– Мне тоже. Пейс занимается исследованием причин этого выброса. Можешь не сомневаться, я сообщу тебе результаты, как только они появятся.

– Надеюсь.

Уж не я ли причина бури? Возвращаясь в спальню, я пы-

тался выглядеть беззаботным. Моя бестелесная домохозяйка (она же сторожевой пес и психиатр) позволила мне порыться в своих вещах некоторое время. Потом снова заговорила:

– Я знаю, ты не любишь, когда к тебе придираются, но все-таки тебе нужно отметиться у Маэстро.

Я не ответил, предпочитая просто молча разглядывать антикварные медальоны таро.

– Он начинает на тебя сердиться.

На этот раз я выбрал «Смерть», перевернул его. На обратной стороне была надпись:

СМЕРТЬ.

Смерть не физическая, а духовная и психическая мутация.

Переход на новый уровень существования.

Рождение. Смерть. Возрождение.

Вот оно. То, что нужно. Самое главное. Сжав зубы, я надел «Смерть» себе на шею и положил «Мага» на прежнее место.

– Маэстро придется подождать, – возразил я. – Я еще не готов.

– Ты переоцениваешь его терпение.

Она права. Я знал, что она права.

– Я хочу видеть Жасмин.

– Хэллоуин, – заворчала она, – ты не ценишь своего счастья. Тебе повезло, что у тебя есть я. Обычно, когда кто-то умирает, его нельзя вернуть.

– В самом деле? Каждый день я узнаю что-то новое. Но это слишком много, больше чем обычно, – сказал я. – Жасмин, пожалуйста. Прямо сюда.

И вот она в спальне. Здесь, передо мной.

Она выглядела как до битвы. Никаких следов пуль. Никакой крови. Я смотрел на нее, а она на меня. Мы оба не скрывали своего любопытства.

– Что-то еще? – поинтересовалась Нэнни. Небольшой наезд. Я совсем про нее забыл.

– Нет-нет, больше ничего. Спасибо, Нэнни.

– Не за что. Скажешь, когда я понадобится.

И Нэнни смолкла. Нельзя сказать «исчезла». Ведь я не знал, где она могла быть и куда может уйти. Из нашего с ней разговора я так и не понял, следит ли она за тем, что я делаю, или довольствуется тем, что я говорю. Скорее всего, она за мной наблюдает, по крайней мере, в какой-то степени. Вопрос лишь в том, насколько внимательно она это делает.

– Ты спас мою жизнь, – сказала Жасмин.

– Посмертно. – Я не стал ее обманывать. Молчание. Мы вдвоем. Очень неловкая ситуация.

Я не знал, что сказать.

– И каково быть мертвой?

Она пожала плечами.

– Я не помню. – Помолчала. – А каково обладать властью над жизнью и смертью?

– Пока не знаю, – ответил я. – Еще не понял.

– Ты вернул меня. Я тебе благодарна.

Она стянула с себя кофточку и бросила на пол.

Можете считать меня наивным, но такого я не ожидал. Или лучше сказать, я предполагал, но не был к этому готов. Во всяком случае, я начал ощущать неловкость. Небольшую, но все-таки неловкость.

– Зачем ты это делаешь?

Она не ответила. Она ни на миг не отрывала взгляда от меня, откинула всякую скромность. Стриптиз в тишине – без претензий, без прикрас. В результате пол моей спальни украсила горка черной одежды.

Она выглядела ошеломляюще.

Я надеялся, что Нэнни сейчас далеко. Но мог биться об заклад, что она была здесь.

Жасмин почувствовала мою неуверенность.

– Что-то не так?

– Ты не настоящая, – сказал я.

– Нет?

Я покачал головой.

Она закинула руки за голову и распустила волосы.

– Я настоящая ровно настолько, насколько это нужно тебе.

Все правильно, она достаточно настоящая. И все равно она не была похожа на настоящую. Она была виртуальной незнакомкой. И каким бы ни был я гедонистом, я не мог имитировать близость, по крайней мере, когда голова моя была занята неприятными размышлениями. А главное, я чувство-

вал неловкость. Кто она такая? Чем я заслужил благосклонность такой любовницы? Я не возвращал ее из мертвых, это сделала Нэнни. Как я ни старался, я не мог избавиться от чувства вины.

Можете считать меня романтиком, можете считать идиотом.

Я коснулся ее лица. Провел рукой по волосам.

– Можно, я просто обниму тебя? – попросил я.

Она смотрела мне в глаза, пытаясь прочесть мои мысли. Я же совсем ее не понимал. В конце концов она кивнула, и мы упали на кровать рядом с Уиспер.

Я уснул.

* * *

Некоторые мысли движутся медленно, как молоко. Некоторые накатывают внезапно, в них смешаны чувства и безрассудство. Это был как раз такой случай.

Супермаркет. Часы на стене показывают три часа утра. Я укладываю покупки в сумку, у меня была ночная смена. Не знаю как, но за спиной у меня вырастают крылья: то ли крылья бабочки, то ли такие, как у ангелов – с перьями, то ли как у летучих мышей, какие были у мороков. Всякий раз, как я смотрел на них, они выглядели по-разному. Похоже, эти крылья больше никто не видел, но я все равно нервничал.

Кассир – женщина с безвольным подбородком – скани-

ровала покупки. Если у нее не получалось, она скрежетала зубами. Я слышал ее дыхание. Мокрота. Звук резанул мой слух.

Рабочий, стоявший неподалеку, посматривал в мою сторону. Вот только смотрел он мне в глаза, а не на крылья. Словно хотел что-то сказать. Или что-то услышать от меня. Ни один из нас не заговорил. На вид ему было примерно столько же лет, как и мне. Похож на черно-белую фотографию. Серая кожа с металлическим отливом.

Я машинально перекладывал покупки, развлекаясь тем, что рассматривал других покупателей. Полный мужчина выбрал Slim Fast, картофельные чипсы и витамины. Две пожилые дамы покупали батат, бифштексы и черные бобы, бульварную газетенку и бутылку виски. Платиновая блондинка с тусклым взглядом (она снималась для какой-то рекламы, интуиция подсказывает, что это были грибы) сделала лишь две покупки: пакетик сухариков и латексные презервативы. Интересно, для кого?

Я услышал голос за спиной. Мужской голос. Мелодичный. Удивленный.

– Хэллоуин. Так-так-так.

Я обернулся. За спиной у меня стоял человек, в одной руке у него была зажженная сигара, в другой – клюшка для поло. Казалось, он состоял из двух частей: одна половина была на свету, другая – в темноте. По его лицу бегали тени. Я узнал в нем Лазаря, тут же во мне всколыхнулась волна

чувств — в основном ненависть.

В этот момент в помещении что-то изменилось, хотя я не понял, что именно. Не отрывая взгляда от меня, он медленно, как будто лениво, приближался, разглядывал меня, слегка прищурившись, казалось, он пытается понять — я это или мой брат-близнец. Потом нахмурился и явно огорчился.

— Нет, не совсем Хэллоуин, жаль. Курите?

Он предложил мне сигару. Это не было проявлением дружелюбия. Вокруг меня начали сгущаться угрожающие тени, а выражение его лица не сулило ничего хорошего.

— Я сплю, — возразил я.

— И я тоже, — был его ответ.

— Ты не можешь спать, ты мертв, — парировал я.

Он улыбнулся, но совсем невесело.

— Умер? Разве в этом месте случается смерть? Жизнь — всего лишь сон.

Вот тупой ублюдок. Нужно поставить его на место.

— Нет, Лазарь, — заявил я, — ты умер по-настоящему. Я тебя убил.

Не совсем так. На самом деле произошло следующее: я как бы разделился на две части, словно амеба, и обе мои половинки утверждали разные вещи. Одна говорила: «Ты умер по-настоящему. Я тебя убил». А другая возмущенно вопила: «Ты умер по-настоящему, но я не убивал тебя!»

Он посмотрел на меня, точнее, на обе мои части.

— Но ведь это не может помешать мне спать, разве нет? —

сказал он.

Я не смог придумать, что на это сказать.

Он отвернулся от меня. Этот мертвец Лазарь – бритая голова и белоснежный костюм, – мертвец, который вообразил, что он лучше всех нас. Хитрый придурок, и нашим и вашим, всегда пытался натравить людей друг на друга. Он постоянно менял свою точку зрения, заманивал тебя, потом бросал, лицемер, от которого лучше держаться подальше.

Или что-нибудь с ним сделать.

Он медленно повернулся ко мне, и обе мои половинки совместились.

– Будут и другие, – сказал он. Я пожал плечами.

Мы долго смотрели друг на друга. Мы молчали. Шуршали мои крылья. Потом он покачал своей клюшкой для поло у меня перед носом, и странный мой сон прервался.

* * *

Я проснулся от холода, простыня исчезла, а с ней и Жасмин. Уиспер тоже не было. Зато в комнате было нечто бесформенное, я не видел это, но чувствовал его присутствие каким-то шестым чувством.

– Нэнни?

Нет, это не Нэнни.

Это нечто начало принимать форму – твидовый костюм, темнокожий высокий мужчина, похожий на ученого, сереб-

ристые волосы гладко зачесаны. От него исходил янтарный свет, заполнявший комнату призрачным сиянием. Он рассматривал меня – мрачно рассматривал.

– Маэстро, – предположил я.

– Нет слов, – сказал он, – чтобы выразить, насколько я разочарован.

– Я что-то сделал не так?

– Я бы сказал, что ты кое-что не сделал.

– А нельзя понятнее?

– Учись, Хэллоуин. Ты совсем не учишься. – Он неодобительно осмотрел мою спальню, потом заметил кожаное кресло. – У нас с тобой официальная встреча. Ты учишься, я учу. Ты хоть понимаешь, – произнес он, стряхивая пыль и усаживаясь, – понимаешь, что, отлынивая от учебы, ты обманываешь самого себя?

– Ладно, – согласился я. – Обманываю самого себя, верно. Я подумал про кресло.

Я вспомнил код вызова: «мебель, кресло для отдыха, кожа, вариант б». Уселся он в кресло иллюзорное, то есть на пустое место, которое с таким же успехом могло быть чем-то другим, например: «мебель, кресло, пенорезина, вариант 22» или «мебель, кресло (трон), слоновая кость, вариант 3».

Всего лишь набор битов и байтов – ничего больше.

Кресло было нереальным, как и сам Маэстро.

Тут я понял, где нахожусь.

Когда впервые появилась Глубокая виртуальная реаль-

ность, программисты стали использовать ее для развлекательных целей, но ее обучающие возможности были очевидны. Зачем ежедневно ходить в переполненные школы, если можно просто подключиться и учиться у лучших в мире учителей? В течение нескольких лет, словно грибы после дождя, появилось множество частных сетевых школ, но мечта о всеобщем обучении в виртуальной реальности еще не осуществилась: для многих семей это было слишком дорого.

Значит, я был богат. Либо получал стипендию. Или и то и другое.

Стало быть, это эксклюзивная виртуальная школа-интернат. Как же она называется?

Что-то на "Г", в нем три слога, так? Gonzaga... Гагарин... Gesundheit... нет, nyet, nein... не то, но где-то близко, Хэллоуин.

Мои родители сбагрили меня сюда много лет тому назад. Тогда Маэстро – директор школы, и скоро у меня выпускные экзамены...

Тут я понял, что совсем его не слушаю.

– Я хочу проверить твои знания по некоторым предметам, – говорил он. – Давай начнем с биологии и генетики, особое внимание уделим эпидемиологии.

– Подождите минуточку.

– Не выйдет, ты и так уже растранижил много времени. Эта причудливая игровая площадка, которую ты себе соорудил, совершенно неподходящее место для занятий. Когда ты

провалишь экзамен, я отключу все твои развлечения. Тебе все понятно?

– Время игр окончено, – ответил я. – Понятно.

– Прекрасно.

– Вы сказали: «когда» я провалю экзамен. Не «если»?

– Ты не учился.

– Зачем же тогда экзамен?

Он возмущенно посмотрел на меня.

– Это только формальность.

Я представил, как тело мое лежит где-то в реальном мире. Я в аппарате для виртуального погружения, капельница в руке. Медсестра периодически проверяет мое состояние. Или не проверяет.

«Детройт», – вопил мой мозг.

Нет, где-то недалеко от Детройта. Богатый пригород. Возможно.

Если бы только я смог проснуться, я был бы свободен, был бы в безопасности.

– Выпустите меня, – попросил я. Но экзамен уже начался.

Что такое фрагменты Оказаки?

Почему клетки зукариота имеют два типа ДНК?

Как лучше всего защититься от болезней, распространяемых членистоногими?

Что такое отрицательное биномиальное распределение?

Какая бактерия переносит тифозную лихорадку?

Черт побери, я понятия не имею.

Он абсолютно прав, я совсем не готов. Во всем виновата амнезия.

Сияние изменилось. Маэстро зеленел при каждом моем правильном ответе (от зависти?) и краснел при неправильном (ярость?). Но выражение лица не менялось.

– Это просто отвратительно, – сказал он. Моя спальня рас- теклась, как часы на картине Дали, и мы оказались на ули- це. Мой дом превращался во что-то безжизненное и бесфор- менное. Собор уменьшился и стал обычным домом без вся- ких прикрас, без индивидуальности.

Порыв ветра.

Бескрылый морок опустился у моих ног. Он извивался и истекал кровью. Я посмотрел вверх. Мороки валились с неба, как умирающие птицы. На полпути к земле они меня- лись, у них начали появляться лица, они становились обыч- ными подростками из виртуальной школы, любимые персо- нажи доброго кино 50-х.

Они разбивались и исчезали.

Ненужная жестокость, подумал я. Неважно, настоящие они или нет, так нельзя поступать.

Вдруг я вспомнил про Жасмин.

– Прекратите!

Я хотел схватить Маэстро за полу пиджака, но руки про- шли сквозь него.

– Ты сможешь забрать свои игрушки обратно, когда возь- мешься за дело и немного поработаешь, – объявил он. – От

твоего старания будет зависеть твое положение.

С ним бесполезно спорить. Всегда так было. Хотя подожди...

– Отключите меня, – велел ему я.

– Ты вернешься?

– Я же ясно сказал, черт побери, отключите меня! Разбуждите, и прекратим все это!

– Остановите Землю, я сойду, – насмешливо произнес он. Невероятно. Я сжал кулаки. Меня трясло.

– Мои родители платят вам за то, чтобы вы учили меня, заботились обо мне и обеспечивали всем необходимым. И сейчас мне нужно проснуться, очень нужно...

– Тебе нужна система, – перебил меня Маэстро. – Ты вообразил, будто знаешь, что тебе нужно, но здесь я заменяю тебе родителей. Ты хочешь сделать незапланированный перерыв в занятиях, – продолжил он, – но очевидно, что ты этого не заслужил.

– А когда запланированный перерыв?

– В воскресенье, – ответил он. – Для физкультуры и питания.

– Но я не могу ждать так долго.

– Не можешь? В смысле, не желаешь. Не желаешь ждать. На самом деле ты вполне можешь подождать. И подождешь.

Я весь кипел от возмущения, пока он разрушал мой мир, сравнивал с землей холм, поднимал повыше температуру.

– Маэстро, мои родители...

– В воскресенье, – повторил он.

– Мои родители надеются, что вы обеспечиваете мою безопасность! А я в опасности!

Он удивленно поднял брови.

– Электрический шок, – объяснил я.

– Ты говоришь о выбросе Каллиопы, если я правильно тебя понимаю.

– Выброс Каллиопы?

– Пейс обследовал систему, был небольшой сбой в обслуживающем устройстве, ничего серьезного.

– Но от этого «небольшого сбоя» меня парализовало...

– Сожалею.

– И мне было очень больно.

– Сомневаюсь, но все равно, сожалею и об этом.

– Может оказаться, – сказал я, – что кто-то хочет убить меня. И прежде чем вы заявите, что я перебарщиваю, я хотел бы узнать, какой иск может предъявить школе моя семья. И как вы будете выглядеть, Маэстро? Вы не стали выслушивать мои жалобы и оставили меня в опасной, потенциально смертельной среде лишь потому, что «так положено».

– Ты склонен драматизировать, – заметил он. – Раз уж мы заговорили об этом, шансы ничтожно малы. Глубокая виртуальная реальность абсолютно безопасна. Даже если бы кто-то захотел причинить тебе вред, мы следим за безопасностью наших студентов самым тщательным образом.

– Какие у меня жизненные показатели?

– Сильные и стабильные, как всегда.

– Значит, я просто параноик?

Он пожал плечами.

– Возможно, тебе просто не хватает внимания.

– Что-то здесь не так, – заявил я. – Когда же вы наконец выясните, что именно, я думаю, я буду уже в другом месте. Исключите меня.

– Как ты сказал?

Размахнувшись изо всех сил, я попытался ударить его по лицу. Но, увы! – мой кулак лишь разрезал воздух.

– Исключи меня из школы, сукин сын! – заорал я.

– Хэллоуин, – рассмеялся он, – я бы с радостью отчислил тебя, но этого не будет. Я не сдался в случае с Фантазией, не сдамся и с тобой.

Я в упор смотрел на него.

– Ты можешь вытворять все, что хочешь, – продолжил он. – Тебе это пользы не принесет. Ты помнишь, что я тебе сказал в первый твой день в школе?

Я отрицательно покачал головой.

– Я сказал, что вижу в тебе огромный потенциал, что ты можешь быть лучшим из десятки. Печально, я азартный человек, и я поставил на тебя деньги. – Он ткнул меня пальцем в грудь. – Я поспорил, что не Лазарь, а ты будешь первым.

– Отвратительное пари, – зарычал я. – Мне жаль, ваша ставка была неудачной.

– Отвратительное? – переспросил он.

– Вы поспорили, что я умру первым? Или как вы это называете?

– Избранным. Почему ты думаешь, что Лазарь мертв?

– Потому что... – (Потому что я его убил.) – Потому что его здесь нет.

– Конечно, его здесь нет, – улыбнулся Маэстро. – Он закончил школу.

ДЕНЬ 3

Ницше лишился рассудка.

Это случилось 3 января 1889 года. Увидев кучера, который кнутом замахнулся на лошадь, он обхватил руками ее шею и потерял сознание. Полная потеря разума, он остался инвалидом на всю жизнь. Больше он не мог трудиться.

Что же стало причиной?

Некоторые считали, что это сифилис. Другие искали причину в наследственном заболевании. Поговаривали, что это результат злоупотребления наркотиком – хлоралгидратом.

В чем же причина? Сифилис? Болезнь мозга? Хлоралгидрат?

Иногда я думаю: это был кучер? кнут? или лошадь?

Рассвет застал меня с ангелами. Ну, на самом деле не так высоко. Самое высокое место, какое я смог найти, – крыша моего дома, я смотрел оттуда на унылый пейзаж.

Где мое кладбище? Где кукурузные поля, вечнозеленые деревья, поле с тыквами, мое болото? Остались только бесконечные луга и голубое небо, такое может привидеться только малышу.

Грустно.

Я перебрался в то место, где раньше громоздились мои уродцы-горгульи. Теперь мне было жаль, что я никогда раньше не поднимался на крышу собора. Возможно, я и поднялся бы, если бы мог туда забраться. Но такого в моем проекте не было предусмотрено. Зачем нужен выход на крышу, если Нэнни может поднять тебя на любую высоту? Вверх, вверх, вверх. Мой недоступный взгляду дух-демон.

Как она это делает? Манипулирует квантами, перемещает материю, тасует реальность как карты? Или всего понемногу?

Просто программа.

Она была искусственным интеллектом, частью Глубокой виртуальной реальности. И Жасмин тоже. Мои мороки. Смайлики. Даже Уиспер. Все – программы.

Возможно, и сам Маэстро, хотя в этом я не уверен.

Нереальный мир.

А что же тогда реально? Те, кто пришел извне. Я посчитал себя, Фантазию (вот уж действительно ненормальная), Лазаря (по-настоящему мертвого) и еще семерых студентов. Да, внешний мир манил своей реальностью, я почувствовал себя ребенком, который, прижавшись к стеклу витрины, рас-

смаatrивает лакомства.

Вздор.

Я пришел к выводу, что мой мир оказался круглым и очень маленьким. Я вообразил, что если бы он был еще меньше, свет искажался бы таким образом, что я мог бы видеть собственный затылок, глядя прямо перед собой, ярко-оранжевый всполох. Но законы физики не допускали подобного. Чтобы увидеть свой затылок отсюда, мне нужно было стоять на горизонтальной поверхности черной дыры, в таком случае гравитация была бы иной, и у меня возникли бы проблемы иного плана, и моментальная смерть среди них была бы не самой серьезной.

Если мы говорим о виртуальности.

Можно ли умереть в ГВР? Или это то же, что умирать во сне?

– Что произойдет, если я сейчас спрыгну с крыши? – спросил я.

– Свалишься вниз, как камень, – ответила Нэнни.

– Очень хочу надеяться. Хотя бы ради Ньютона. Но что произойдет в момент удара о землю?

Она предположила, что я переломаяю себе кости.

– Виртуальные кости, – поправил ее я.

– Ощущения будут настоящими, – пообещала она. – Ты почувствуешь сильную боль в момент приземления. Тебе сразу же понадобится медицинская помощь, тогда я получу разрешение и уберу ощущения. Но даже если все будет со-

ответствовать реальности, этот неприятный опыт не окажет никакого негативного влияния на твое дальнейшее поведение.

Сильная боль – имеются в виду, конечно, страшные муки.

– Я просто попрошу снять боль и ты сделаешь это?

– Да.

– В чем смысл?

Она не поняла меня.

Подумай сам. Ты – программист ГВР. В твоём распоряжении божественные силы. Если можно закодировать виртуальное окружение, если можно даже нарушать физические законы, зачем программировать боль?

Зачем Господь принес боль в этот мир?

Чтобы преподать мне урок?

Когда я впал в немилость?

И что же это за урок, если я могу отключить боль, как только захочу?

«Боль – да, но умереть я не могу», – подумал я, может быть, я невольно произнес это вслух, потому что Нэнни как будто ответила на мои мысли:

– Скажи, пожалуйста, а зачем тебе себя убивать?

– Запретный плод, – ответил я.

– Очень печально, Хэллоуин. Я считаю своей собственной неудачей то, что ты продолжаешь так думать.

Продолжаю?

И вот я стою здесь, наслаждаясь солнечным теплом (по-

года, естественно, стояла превосходная), смотрю вниз с крыши, а в памяти моей всплывает чувство вины и отвращения к себе, потому что я уже и раньше думал о том, чтобы спрыгнуть вниз. Я думал о смерти, умирании, о самоубийстве как средстве освобождения. Капризный, капризный Хэллоуин. Химически несбалансированный. Да, я много размышлял на эту тему.

– Не вини себя, – улыбнулся я, стараясь не смотреть вниз. – Ты делаешь все, что в твоих силах, но у меня патологическое отвращение к авторитету.

– Старая железяка.

Кто-то меня так называл, может быть и не один раз. Только не помню кто. Не знаю, понимаешь ли ты, что твоя жизнь имеет ценность. В ней есть и смысл, и цель, есть даже красота и высшее предназначение, просто все это прячется от повседневного взгляда.

(Школьники в классе, все поют хором: «Я особенный! В моей жизни есть цель!»)

Викторина по мифологии.

Греческие боги наказали Сизифа, заставив катить на гору огромный камень. Всякий раз, когда он уже был близок к вершине, руки его соскальзывали и камень катился вниз. Ему приходилось снова и снова катить камень вверх. Эту задачу можно было выполнять до бесконечности. Это была пытка.

Вопрос: Какой проступок совершил Сизиф?

Ответ: Он заточил в темницу бога смерти, и никто больше не мог умереть.

Вы – программист ГВР. Для чего создавать мир, в котором можно пораниться, но нельзя умереть? Если уж создавать что-то, почему бы не сотворить Рай?

Как говорил Камю: «Попробуйте представить Сизифа счастливым».

– Нет необходимости убеждать меня, что моя жизнь имеет ценность, – ответил я, пытаясь переварить ее слова.

* * *

– Врача, – велел я.

Нэнни все предвидела правильно. Сломана лодыжка, вывихнуто плечо, повреждены ребра. Больно, очень больно. Но полет был таким стремительным.

– Врача, – повторил я, смеясь сквозь стиснутые зубы.

Когда Нэнни меня штопала, я подумал: «Этот мир был обезврежен ради моей безопасности». Когда боль отступила, я попросил Нэнни показать мне файлы.

Прямо перед глазами возник небольшой прямоугольник, он фосфоресцировал, изумрудно-зеленым цветом. Он плавал в воздухе, мигал, и мне так и хотелось до него дотронуться. Я протянул руку внутрь него. Почувствовал легкое покалывание, сумел раскрыть содержимое папки «кровотечение» – появились значки и символы. Неприятно видеть свои

пальцы, превратившиеся в бегающих насекомых, но я продолжал. Я делаю это не в первый раз. Я двигался навстречу самому себе, медленно, но верно: эти голографические изображения были моим личным каталогом. Мой каталог. И мои файлы.

Удача.

Я мог открывать скрытую информацию вручную, простым движением пальцев. Повернул иконки против часовой стрелки – философия, художественная литература, теория, искусство, исследования, я продвигался к медицинскому файлу. Сейчас он еще был мне не нужен, мне нужен мой личный файл. Я должен его хорошенько рассмотреть. Я дернул большим пальцем, чтобы вернуть иконки на место, потом вошел в них при помощи указательного и просмотрел одну за другой.

Личные файлы, поиск идентификации личности.

К большому моему сожалению, мой файл был на удивление безликим, у меня не было привычки пополнять его информацией (мне же не приходила мысль об амнезии), поэтому большая часть ее была загружена из общей базы. Кое-что там, конечно, было, что обычно бывает в общих файлах.

Я сдавал тесты по философии: Макиавелли, Сартр, Кант, Ницше и Хуарес, к ним прилагались биографии и материал по теме. Все они не были оценены, я почти совсем не помнил о тех тестах. Я просмотрел один или два, потом бросил и двинулся дальше.

Файлы о природе морали и бессмертия (рождение, смерть, отсутствие смерти, жизнь после смерти, реинкарнация и т. п.), мифы на эту тему со всего света (от Иштара до Балдура, от Савитри до Осириса), к ним прилагались трактаты по антропологии: об обычаях, теориях и ритуалах различных культур.

Сюда же затесалось исследование о бабочках.

А также полицейские фотографии 30-х годов. Жуткие. Автокатастрофа: водителю оторвало голову, она валяется отдельно от туловища прямо в песке, словно этот человек позволил детям закопать себя по самую голову. Но шеи нет. Я подумал об Орфее...

Орфей пытался спасти свою возлюбленную из страны мертвых. У него не получилось. Есть несколько вариантов мифа, описывающего его смерть. Он умер от горя. Или его убил Зевс, царь богов, наказал за то, что он раскрыл божественную тайну людям. Но чаще всего эта история заканчивается тем, что его разрывают на части обезумевшие дикие женщины – вакханки. Орфей не оказал должного уважения Хаосу (в дни Диониса), они разорвали его голыми руками и раскидали тело по всем частям света.

Иногда я четко могу представить это: голова Орфея на песке.

Художественную литературу я хранил в виде голограмм или в виде текстов – в довольно разнообразной первой части по большей части были книги, написанные в двадцатом веке

и переведенные в голографический формат. Некоторые изготовлены в Голливуде. Немало сделано в Гонконге. Я узнал, римейк Зао Ши Янга «Ноль за поведение», но больше я не вспомнил ни одной. Ладно, хватит тратить на них время, решил я и вернулся назад.

Собрание литературы в виде текстов было куда скромнее. Полное собрание сочинений Лавкрафта. Только тексты, но какая разница? В его сумасшедших историях такая сила! Такая пронизательность! Я знал их, знал все, мог процитировать абсолютно любое место в любой книге. Увидеть эти книги снова все равно что встретить старых друзей. Нет, больше чем друзей: я любил Лавкрафта. Если судить объективно, есть писатели намного лучше, но, как бы слаба и неуклюжа ни была его проза, сила его слова находила отклик в самых глубоких тайниках моей души.

Я подумал: и почему я такой, какой есть? Что заставляет меня поступать именно так? Почему у меня не мягкий, легкий характер?

Везде на полях были пометки. Большинство из них ничего особенного собой не представляли, но одна фраза все время повторялась, снова и снова. Она была написана от руки, и почерк был мой. «У врат ты не найдешь отдохновения».

Вход в общий файл?

Нет, наверное, что-то более значительное.

Нечто невразумительное копошилось у меня в голове, но понимание так и не пришло.

Кроме Лавкрафта моя библиотека могла похвастаться работами его последователей и вдохновителей, включая Дерлета, но на этом и все. Ни классиков, ни литературных знаменитостей, ни бульварных триллеров, ни даже какой-нибудь простенькой эротики.

Как можно было догадаться, моя подборка по теории хаоса состояла по большей части из книг по энтропии (Лоренц и ему подобные), а также нескольких вспомогательных работ по принципу Прескотта. Много теории, совсем мало практики. Я был разочарован, но только до тех пор, пока не натолкнулся на скрытый раздел, посвященный революции и восстаниям.

Скрытый? Почему скрытый?

Но мне удалось обнаружить только «следы», потому что сами файлы были уничтожены...

Кем?

Они были для меня недоступны, но оболочки, одни лишь названия и записи регистрации, представляли собой золотую жилу практического, осязаемого хаоса – «Поваренная книга анархиста» соседствовала с тактикой ведения партизанской войны, устройством станций помех, психологическими приемами, я нашел там материал даже по проецированию низкочастотных волн. Судя по всему, я вообразил себя повстанцем. Что мной руководило?

Причина и следствие, мой мальчик. Найди одно, и ты найдешь второе.

Ничего не приходило в голову, разве что моя ненависть к Маэстро.

Будучи не в состоянии однозначно ответить на этот вопрос, я переключился на искусство. Немного, но вполне предсказуемо: большую часть занимали материалы по Иерониму Босху. Меньше о Магритте, чуть больше о Дали. Я просматривал файлы, пока не натолкнулся на Энсора, Шиле, Климта и Эрнста. Все на своих местах.

В подкаталоге хранилась музыка, в основном произведения двадцатого века. Старая, но хорошая музыка. Одно движение, я открываю нужный файл (оригинал, звуковой, без вспомогательного видеопроцессора и тактильных ощущений), и музыка заполняет собой все, пульсируя вместе с моим миром.

Не выключая звук, я открываю раздел исследований – полная мешанина всякой ерунды. Какой-то отрывок по криптографии, куски работы по генетике, краткое эссе о да Винчи, конспект по физике частиц, пьесы Ионеско и символизм таро. Прекрасная находка.

Я перешел к общему файлу. Иконка довольно броска: сделана в виде оранжево-черной бабочки, крылья развернуты, словно в полете, – бабочка-монарх.

Я запустил программу, бабочка засветилась.

– Соедини с общей базой, – велел я.

– Доступ разрешен. – Бесстрастный голос, таким был голос у Нэнни до того, как я его изменил. На меня хлынуло

целое море информации, недолго и потонуть в ней.

Маэстро, конечно, прав, надо было заниматься учебой, вот только предметы я выберу сам.

Перебирал слова: «Хэллоуин», «Маэстро», «Нэнни», «Лазарь», «выброс Каллиопы».

Бесполезно. Много всего о празднике Хэллоуин, но ничего о Хэллоуине-человеке. Было бы самонадеянностью полагать, что там могут быть материалы обо мне. И все же странно, что ни одного из запрошенных мной слов не нашлось в базе. Если подумать...

– Диссоциативные нарушения, – заказал я.

Строчки побежали по экрану (курс повышения квалификации).

«Диссоциативные нарушения включают отслоение психологических функций – памяти, контроля над своим телом, самосознания – от остальной части личности».

Дальше. Варианты развития.

Амнезия 1: Истерическая амнезия. «Несколько сильных потрясений, следующих одно за другим, приводят к тому, что субъект теряет способность осознавать реальность. Полная амнезия развивается как защитная реакция».

Ну конечно. Случилось что-то «плохое», и я сбежал: маленький, чувствительный и хрупкий – это я-то, парень, который любит чудовищ Лавкрафта. Так ли это? Может быть, это произошло давным-давно? Господи, я – беглец.

Амнезия 2: Ретроградная амнезия. «Причиной обратной

амнезии является пережитая физическая боль, под ее воздействием субъект забывает все, что произошло до этого».

Сразу упало настроение. В глубине души я понимал, что что-то во мне сломано и теперь я, как старые часы, нуждаюсь в ремонте. Хэллоуин – игрушка в руках судьбы, жертва неизвестных, непонятных сил, как один из обреченных персонажей Лавкрафта.

Продолжая читать, я натолкнулся на настоящий шедевр. «Амнезия, возникающая вследствие электрошока либо физической травмы. Лечение аналогично лечению, проводимому при травмах головы».

Последствия электрического шока. Что же это было? Выброс Каллиопы.

Да, видимо, так и есть.

«Электрошоковая терапия», – решил я.

Ну-ка, что тут пишут дальше? Ага. Вот, сразу за «электрокоагуляцией»: события и знакомые лица... вызванные припадком... используется при лечении депрессивных болезней... вялотекущей шизофрении... устаревший... давно запрещен законом... возможные побочные эффекты... Ага!

«Временная амнезия», – прочитал я.

Временная. Благословенные слова. Значит, поражение можно превратить в победу, нужно только подождать. С другой стороны, что я могу сделать? В моей голове сокрыто множество тайн, они лишь дразнят меня из глубин подсознания... Хотел бы я все забыть и расслабиться, однако за такую

безалаберность рано или поздно придется расплачиваться, и цена будет слишком высокой.

На случай, если за мной наблюдают, я просмотрел еще несколько предметов. Осторожность никогда не бывает лишней, кроме того, я хотел, чтобы мои медицинские изыскания затерялись среди остального. Шесть уловок против моих преследователей: «Лечение инсулиновой комы», «Параноидальная шизофрения», «Нейромедиаторы», «Структурная психотерапия», «Атавизм» и «Пирит».

«Пирит» был, конечно, дурацкой шуткой, сразу меня выдающей.

Прямо у меня над головой появился спрайт Маэстро, зловещая штука размером с футбольный мяч. Три спрайта поменьше вращались вокруг него, словно луны.

– Тебя вызывают, – сообщила Нэнни.

– Похоже на то.

Еще раз полюбовавшись на бабочку-монарха на иконке (чем-то она мне нравилась), я вытащил руку из изумрудного делителя, что было не так-то просто: сопротивление удерживало, как смола. Медленно, но настойчиво. Символы каталога погасли, когда мои пальцы миновали их уровень, и вот я снова вижу руки, а не набор цифр вместо них. Я раскрыл ладони, сжал кулаки. Пошевелил пальцами. Все в порядке, никаких повреждений. Еще мгновение – и прямоугольник исчез.

Я закрыл глаза, чтобы вызвать свой спрайт. Не знаю, как

объяснить, как это делается, пожалуй, можно сказать, что я освобождал сознание. Черные и оранжевые вспышки засветились в моей руке – ответ на вызов.

Представьте себе небольшое здание красного цвета – это школа. С колоколом. Такие школы строили в двадцатом веке в Вайоминге. Оно стоит на вершине холма на лугу. Над головой голубое небо. За школой пруд, в нем плавают утки. Воздух благоухает полевыми цветами. Идиллия, будто детство никогда не заканчивается.

Вот куда я попал.

– Добро пожаловать, – приветствовал меня мой тюремщик, – в группу для отстающих.

ПЕЙС ПЕРЕДАЧА 000013382325667

РАССЛЕДОВАНИЕ АНАЛИЗ ХОСТА ЯНУСА

УСИЛЕНИЕ СИЛЫ ТОКА: 882, 9% ВЫШЕ БЕЗОПАСНОГО УРОВНЯ

АНОМАЛЬНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ВЫБРОС

ВЫБРОС КАЛЛИОПЫ ПОРАЗИЛ АКАДЕМИЮ НА УЧАСТКЕ 0811-0411С

0811-0411С ОПРЕДЕЛЕН В ВИДЕ ДОМЕНА ДЕВЯТЬ

КОНЕЦ АНАЛИЗА АНАЛИЗ ХОСТА ВИТА

ГОСТЬ ДЕВЯТЬ ХЭЛЛОУИН ПОДДЕРЖАНИЕ ЖИЗНИ НАРУШЕНО

ГОСТЬ ДЕВЯТЬ ХЭЛЛОУИН ПОДДЕРЖАНИЕ ЖИЗНИ ВОССТАНОВЛЕНО (?)

НАРУШЕНИЕ ПИТАНИЯ (?)

ВЫБРОС КАЛЛИОПЫ СВЯЗАН С НАПАДЕНИЕМ (?)

КОНЕЦ АНАЛИЗА АНАЛИЗ ХОСТА ГАРМА

ВЫБРОС КАЛЛИОПЫ СВЯЗАН С НАПАДЕНИЕМ

ЛАБИРИНТЫ РАЯ

ЦЕЛЬ НАПАДЕНИЯ: РАЗРУШИТЬ ОРГАНИЧЕСКУЮ

ТКАНЬ

ЦЕЛЬ НАПАДЕНИЯ: РАЗРУШИТЬ ГОСТЯ ДЕВЯТЬ

ХЭЛЛОУИНА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛИМО!

УТЕЧКА В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ?

ХОСТЫ В ОПАСНОСТИ?

ИССЛЕДОВАНИЯ

КОНЕЦ АНАЛИЗА

РЕЗУЛЬТАТЫ:

СИТУАЦИЯ КРИТИЧЕСКАЯ

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО

СОГЛАСОВЫВАЕТСЯ С ГАРМОМ

КОНЕЦ РЕЗУЛЬТАТОВ

ОТПРАВКА РЕЗУЛЬТАТОВ ХОСТУ МАЭ ХОСТУ ТРО

КОНЕЦ

Глава 4

ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ

– Порядок без хаоса – дурная шутка, – рассуждал Джим, удивляясь, почему остальные не согласны с ним. И Южанин, и Блу были глухи к его уверениям, он же считал, что ситуация рано или поздно выйдет из-под контроля. Они хотели, чтобы все прошло идеально. Идеально, идеально, идеально – ошибки быть не может. Джим был уверен, что они не видят очевидного.

– Я не желаю больше слушать о том, насколько нереален и нестабилен проект, – возразила Блу. – У нас есть сопоставимые системы и время. Если ты работаешь с нами, мы добьемся своего. А если ты не...

– Слушай, я тут с утра до ночи работаю только ради того, чтобы сделать дело. Но работа моя тонкая. Когда играешь с ДНК, играешь с константами, я же работаю с переменными.

– Я работаю с переменными постоянно, – скаламбурил Южанин.

* * *

Помню, я любил играть в «картошку» с друзьями. Мы собирались за школой и часами играли. Правила простые.

Швыряешь мяч. Нужно попасть в кого-нибудь, тогда он вылетает. Но если он поймает мяч, вылетаешь ты.

Потом мы стали правила усложнять. Я и мой друг. Снова и снова. Мы взяли мяч побольше, резиновый. Удар сильнее, бросать сложнее – зато интереснее.

Как мы перешли от больших резиновых мячей к чудищам с автоматическим оружием?

Интересно, это естественная закономерность? Это нормальное развитие событий?

(Много позже, когда ничего уже нельзя будет сделать, я подумаю, что это было кровавое развлечение.)

А еще раньше, до того, как мы вообще начали играть в мяч, мы играли в пятнашки. Дотрагиваешься до кого-нибудь, и он застывает на месте. Запятнаешь всех – ты выиграл. «Домиком», конечно, было здание школы, там было безопасное место.

Забавно. С тех пор я никогда не чувствовал себя в безопасности.

Внутри класс не изменился, а это значит, что воспоминания постепенно возвращаются. Я сидел вон там. На первом ряду. Сидел и сосредоточенно занимался. Не отвлекался. Я ничего не хотел, кроме учебы. Вгрызался в яблоко познания и не думал о том, что оно может быть червивым.

Я не был циником.

Я был мальчишкой с веснушками.

Много спал. Пил молоко. Любил игры на воздухе.

И я был счастлив.

Что же случилось со мной?

Как я докатился до этого?

Я как будто увидел самого себя, только младше, я сижу вот там, на этом стуле, у меня такие ясные глаза. Это так потрясло меня, что я вздрогнул. Я почувствовал себя испорченным и старым.

К тому же у меня появилась привычка скрежетать зубами. Нехорошая привычка.

Тайлер не мог сосредоточиться. Вид у него был, будто он не выспался.

Меркуцио, развалившись на стуле, закинул руки за голову. Он скучал.

Фантазия непрерывно причмокивала губами. Ничего не поделаешь: двигательное расстройство – непроизвольное, ритмичное движение, побочный эффект приема лекарств, какого-то нейролептика.

Все вместе – просто фабрика мысли. Будущие доктора Америки.

– Для того чтобы подтянуть отстающих, – говорил в это время учитель, – я решил создать эту группу. Мы будем встречаться по понедельникам, средам и пятницам на шесть уроков, потом – полевые исследования.

Через шесть часов мир рассыпался и снова соединился. У меня шла кругом голова. Слипались глаза. Я уже был не в школе... я был...

В отвратительном месте.

Нет, не совсем так. Место было красивым – время было ужасное.

Повсюду отбросы, дерьмо, царила разруха, и среди всего этого валялись тела. Десятки тел – мужские, женские, детские, – на них жуткие темные пятна. Не нужно быть врачом, чтобы узнать по этим зловещим знакам бубонную чуму. Ее называли тогда Черной смертью. И страшная вонь.

Это была Верона. Город между Венецией и Миланом. Город искусств, великолепной архитектуры, ароматных вин. Город этот вдохновил барда с берегов Эйвона, правда, эпидемия чумы была здесь лет за двести до рождения Шекспира. Четырнадцатый век – не лучшее время для Европы. В результате эпидемии умерло семьдесят пять миллионов человек. Да еще войны и голод. Я не могу это даже представить.

Мы стояли на грязном булыжнике мостовой возле Старого замка. Не обращая ни малейшего внимания на нелепого вида чужестранцев, мимо нас брели умирающие. Ведь эта Верона 1348 года от Рождества Христова не была настоящей, это всего лишь реконструкция, версия. А значит, умираю-

щие бедняги были не более реальны, чем Жасмин, — они были виртуальными персонажами, и столкновение реалий стало для них обычным делом. Мы жили в пространстве, они жили в программе.

Меркуцио повернулся ко мне и ущипнул за руку. Сильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.